

ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ*

Глава девятая

ПРИНЦИП ПРОИЗВОДСТВА БЛАГ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Принцип производства благ — формационная категория, описывающая качественные ступени развития мировых производительных сил. 2. Производственная революция. 3. Охотниче-собирательский принцип производства. 4. Аграрная революция. 5. Аграрно-ремесленный принцип производства: зрелые этапы. 6. Промышленная революция и промышленный принцип производства. 7. Научно-техническая революция и научно-информационный принцип производства.

В действительности все несет на своей широкой спине материальная жизнь: если она набирает силу, то все движется вперед...

Ф. Бродель

В данной главе мы остановимся на производственном аспекте исторического процесса. Сначала рассмотрим формационные категории, а затем — каким образом развивались и сменялись мировые производственные системы. В этой главе для удобства я буду делить параграфы на части.

---

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1—6; 1998. № 1—6; 1999. № 1, 2, 3, 5.

§ 1. Принцип производства благ — формационная категория, описывающая качественные ступени развития мировых производительных сил

1.1. Обоснование категории

Я уже неоднократно объяснял, почему для формационного уровня требуются особые категории. Отсюда ясно, почему нельзя удовлетвориться только общеизвестным термином «производительные силы». Удобный в рамках социологии истории и теории истории, то есть для описания производственной подсистемы отдельного общества, он не позволяет анализировать качественные этапы развития мировых производительных сил в рамках теории исторического процесса. Он также не дает возможности вывести общий знаменатель, чтобы приравнять друг к другу различные в физическом, географическом и отраслевом плане, но стадиально однотипные производительные силы (например собирательство и охоту, земледелие и скотоводство, добывающее и обрабатывающее направления промышленности и т. п.), а, объединив их, затем отделить от стадиально более низких или более высоких¹.

И не случайно понятие «уровни (ступени) производительных сил» теоретически оказались неразработанными, поскольку не удалось найти достаточно ясный критерий их различия.

Справедливости ради напомню, что в нашей науке выделялась категория, которая претендовала на описание крупных этапов именно мировых производительных сил — технологический способ производства, то есть особый способ (исторический тип) связи человека с техникой. Выделялось три таких способа: ручной труд, механизированный труд (с превращением орудия ручного труда в машину), автоматизация². Однако чрезмерный упор на технику и перенос решающей ее роли в производительных силах также и на доиндустриальные формации приводит к тому, что производственный аспект исторического про-

¹ Даже сходного типа производство в разных обществах сравнивать весьма трудно. Например, при одной технике урожайность сельскохозяйственных культур может различаться за счет плодородия во много раз.

² Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 4. С. 390.

цесса раскрывается неадекватно³. Неудивительно, что не удается выделить особый тип техники и ее соединения с работником для аграрного производства, поскольку для последнего роль техники не была ведущей.

Смена технологических способов производства не вписывалась органически в истматовскую информационную парадигму, поскольку не совпадала с изменениями в производственных отношениях. Но не это являлось недостатком данной теории, так как четко соотнести коренные этапы развития производства с известной схемой форм собственности на средства производства невозможно. Хуже было то, что развитие технологических способов производства не увязывалось вообще с каким-либо приемлемым членением исторического процесса либо последнее было просто нелогичным. Поэтому данная теория не могла дать критерий выделения информационных ступеней производительных сил.

Не выполняет роль такого критерия и понятие «мировые производительные силы». Оно скорее удобно для анализа некоего статического (одномоментного) состояния мирового производства, но не для того, чтобы в историческом процессе выделить ряд качественно отличающихся уровней с четко обозначенными рубежами между ними. Возникают вопросы: на основе чего вычленять такие ступени и как их увязать с периодами исторического процесса, а также с изменениями в других его аспектах?

Сделать это весьма непросто. Ни один из структурных элементов производительных сил не может служить универсальным показателем качественного развития. Ведь с каждой эпохой производительные силы усложняются, их структура радикально меняется, а на первое место в ней выходят то одни, то другие компоненты. Роль техники, то есть орудий труда, для аграрного производства менее важна, чем для индустриального. Подобная же разница между последним и информационным производством — в отношении науки и информации. Но подобная «ротация», как увидим позже, весьма показательна и важна для

---

³ Поэтому можно согласиться, что «если мы будем логично следовать этому подходу, то должны прийти к отказу от идеи приоритета производительных сил» (Формации или цивилизации? // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 46—47).

нахождения основания выделения качественных ступеней, если ее правильно интерпретировать.

Качественные показатели могут быть очень полезными. Но при их применении нужно учитывать различия в природных условиях, исторические и иные особенности обществ, неполноту или отсутствие данных и прочее. А главное, любые цифры будут правильно поняты, только если есть масштабная сетка для их сравнения. Иными словами, если качественные этапы уже обоснованы, определенные цифровые показатели помогут отнести интересующие нас общества к тем или иным из них. Значит, неправильно искать простые показатели.

Итак, мы опять возвращаемся к проблеме, как же выделять качественные уровни. Сделать это удается только с помощью достаточно объемной и четкой теории. Но она невозможна без специальной категории, которая бы описывала *качественные ступени мировых производительных сил*, позволила бы проследить процесс зарождения, развития, победы и упадка каждой из них. Но желательно обозначить ее по-новому, так, чтобы избежать ненужной путаницы с разноуровневыми, но похожими по названию категориями⁴.

Очень важно, что для такой операции в науке уже выработаны понятия, которые позволяют обобщить глубинные сходства в производстве разных эпох и обществ, увидеть определенные рубежи в развитии мирового производства. Это понятия: присваивающее хозяйство, производящее хозяйство, индустриальное производство и современное информационное (постиндустриальное и т. п.) производство. Но для того чтобы их использовать наиболее плодотворно и применить для выработки нужной категории, необходимо найти их общие черты, обобщив это в родовом для них понятии. И связать его с понятием производственные революции.

Что общего в приведенных выше понятиях? Мне кажется, что каждое название указывает на новое качество, свойство, основу типов хозяйства и производства. По сути, речь идет о том, что направление, структура, отрас-

---

⁴ Кроме того, термин «ступени развития мировых производительных сил» слишком громоздок, а сокращать его нельзя, так как иначе будет непонятно, о каких производительных силах и ступенях идет речь.

левой состав хозяйства и производства меняются в принципе. Иными словами, подчеркиваются глубина и системность перемен. Поэтому и категорию, которая описывает эти **четыре ступени** в развитии всемирных производительных сил, качественно различающихся между собой, автор предлагает назвать **принципами производства благ⁵**.

Последнее слово надо пояснить: нельзя ограничиваться только материальными благами, поскольку «духовное производство» нередко является «органическим подразделением» всего производства⁶. В современности же это не просто большой и все растущий сектор, а сектор, который может стать ведущим. Подчеркнем также, что речь идет прежде всего о производстве обычных, типичных (неважно, материальных или духовных) благ, предназначенных для поддержания или расширения жизненного цикла обществ и самого производства. Оговорив этот момент, в дальнейшем буду использовать краткий вариант термина — **принцип производства**.

Итак, принцип производства — формационная категория, которая описывает очень крупные качественные ступени развития мировых производительных сил в историческом процессе. Каждой формации соответствует только один собственный принцип производства. Каждый принцип производства — особая ступень, поэтому сходство между ними весьма абстрактное, прежде всего в масштабе перемен, их революционности. Используя сравнение Тоффлера, можно сказать, что новый принцип производства атакует старый по каждой позиции⁷.

Границами между принципами производства служат производственные революции: **аграрная (неолитическая), промышленная и научно-техническая**. Но эти революции не просто рубежи, отделяющие один принцип производ-

⁵ Эта категория не совпадает с общизвестным термином «способ производства материальных благ». Во-первых, потому что понятие принципа производства относится только к формации (человечеству), а не кциальному обществу, а способ производства и к одному, и к другому уровню сразу. Во-вторых, потому что принцип производства охватывает лишь сходство в хозяйстве, в отличие от способа производства, который объединял в себе как производительные силы, так и производственные отношения.

⁶ Толстых В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства // Вопросы философии. 1982. № 4. С. 49.

⁷ Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 22.

ства от другого, но и четкие показатели начала качественных перемен в мировых производительных силах, которые знаменуют смену принципов производства. Любая революция — это некий переход от одного состояния к другому. Производственные революции к тому же — длительные эпохи. И чтобы не запутывать периодизацию переходными ступенями, гораздо правильнее считать время производственной революции неотъемлемой частью соответствующего принципа производства.

Наиболее широкая и многосторонняя связь принципов производства и производственных революций вообще очень важна для авторской теории исторического процесса. Ведь мы видели, что формации — это оптимально крупные части исторического процесса, которые не просто делят его на этапы, но и имеют структурное и прочее сходство между собой: в цикле, полноте перемен во всех аспектах и т. д. А это позволяет изучать исторический процесс хоть в какой-то (самого общего плана) повторяемости. Поэтому проблема обоснования такой периодизации не может не быть очень важной.

Я выдвигал принцип относительно большей фундаментальности принципа производства среди остальных формационных категорий, благодаря которому можно найти конец путеводной нити в членении непрерывного. Его начало условно можно считать и рубежом новой формации. А то, что удается связать эту границу с началом достаточно очевидных и бесспорных явлений мирового масштаба, каковы производственные революции, на мой взгляд, придает всей концепции убедительность и стройность.

Совершенно естественно, что общие идеи нуждаются в достаточно сложных методиках и приемах, чтобы провести их хотя бы на один-два уровня ниже. Исходя из такой задачи, вся эта глава во многом и строилась с расчетом объяснить те или иные теоретические трудности уже в контексте рассмотрения производственного аспекта исторического процесса.

Итак, принцип производства выделяется на основе **принципиального** (качественно-стадиального) сходства производительных сил разных обществ. Но принципиальное сходство не только не означает фактического совпадения в укладах, отраслях, технике и технологии и т. п.,

но, напротив, предполагает и разные варианты хозяйствования, и большую амплитуду в количественных характеристиках. Задача — установить рамки этой амплитуды и наиболее важные параметры сравнения.

К таким параметрам нужно отнести:

- а) определенный уровень производительных сил по:
сложности их структуры;
производительности труда;
взаимодействию с природой;
- б) способность производительных сил:
к развитию и распространению на другие территории;
перенимать достижения и вступать в контакты, не подвергая коренной трансформации общество;
- в) возможности производительных сил:
прокормить определенное количество населения;
создать такой излишек благ, который ведет к образованию определенных политических, социальных и культурных систем и т. д.

Но данные критерии во всей полноте имеют смысл только для формационного масштаба. Производительные силы обществ, входящих в систему принципа производства, не могут соответствовать всем параметрам из-за специализации, ограниченности ресурсов, включенности в систему разделения труда и т. п. Иначе говоря, при сравнении обществ, принадлежащих к разным принципам производства, не по всем моментам низшее общество будет уступать высшему. Так, производительность труда охотника в отдельных местах может быть выше производительности земледельца; плотность населения ирригационной страны прошлых эпох может быть выше плотности некоторых индустриальных стран сегодня и т. д.

Весьма часто такие кажущиеся несоответствия возникают при сравнении обществ, принадлежащих к более высокому принципу производства, но на ранних его стадиях, с обществами более низкого принципа производства, но на высших (или даже перезрелых) этапах. О таких случаях еще будет речь. Но важно не забывать, что каждый принцип производства — это огромная эпоха, и сравнения должны делаться с учетом степени его зрелости.

Итак, при смене принципа производства происходят

следующие изменения, в конечном счете затрагивающие основную часть человечества:

I. В самом производстве

- Усложняются структура и функции производительных сил, появляются новые элементы и секторы. Постепенно новые секторы, технологии, подходы, знания становятся ведущими и частично перестраивают уклады прошлых принципов производства
- Производительность труда увеличивается многократно
- Резко возрастает излишек благ
- Переход к новому принципу производства позволяет прокормить во много раз большее население. Соответственно наблюдаются либо его количественный рост, либо (как в современных развитых странах) рост качества и продолжительности жизни
- Сильно уменьшается зависимость от природы, и возрастает способность влиять на нее. Принципиально изменяются пределы, поставленные географической средой
- Резко увеличиваются плотность производственных и экономических контактов между обществами, обмен достижениями, объем потребляемой энергии, информации и т. п.

II. Во всех других сферах жизни

- С отставанием и в разном темпе, но обязательно везде происходят глубокие качественные изменения. Сейчас перечислять их нет смысла, в следующей главе (частично и в этой) данной проблеме будет посвящено значительное место

Хотя кое-что из перечисленного может происходить и при смене принципиально одинаковых хозяйственных занятий (например при переходе от примитивного земледелия к скотоводству, от развитого сельского хозяйства — к ремеслу), в совокупности такие изменения характерны только при смене принципа производства. Однако никогда полностью новый принцип производства не покрывает всей экономики, она всегда технически многоукладна.

Но смена принципа производства — это радикальное изменение всех основ производства. Поэтому с каждым принципом производства происходят подвижки по иерархии в его составных частях. Отсюда даже в информационном масштабе не все параметры одинаково важны для разных принципов производства, что связано с большим или меньшим значением определенных компонентов производства в них⁸.

Напомню, что я выделяю четыре принципа производства, разделяемые тремя производственными революциями⁹:

1. Охотниче-собирательский принцип производства (или принцип присваивающего хозяйства).
2. Аграрно-ремесленный принцип производства (или принцип простого производящего хозяйства).
3. Промышленный (индустриальный) принцип производства (или принцип машинного производства).
4. Научно-информационный принцип производства.

Относительно некоторых названий нужно пояснить. Ранее я говорил именно о принципе присваивающего хозяйства и принципе производящего хозяйства. Это соответствовало сути дела, указывало на коренное различие при присвоении и производстве пищи и сохраняло преемственность в научном развитии. Но ведь требуется соблюдение определенной логики в системе названий. А тут возникало формальное логическое противоречие: ведь и промышленное производство, и научно-информационное также производящие. По правилам логики сначала весь процесс следовало бы разделить на две части (присваивающее — производящее), а потом уже производящее — на простое и более сложное. Но в таком случае части второй очереди деления не должны быть таксономически равны частям первой очереди. Значит, возникло бы более серьезное фактическое несоответствие, поскольку речь

---

⁸ Скажем, между I и II принципами производства разница в способности прокормить определенное население более важна, чем между III и IV, когда мы видим, что во многих развитых странах население не растет (а то и уменьшается). Разница в производительности труда между II и III — более существенный момент за счет использования техники и машин, чем между I и II. И т. д.

⁹ В скобках даны синонимы названий, которые иногда будут использоваться.

идет именно о четырех сопоставимых по их качественному значению периодах.

Чтобы выйти из этого круга, я решил изменить названия, сохраняя старые как синонимы.

1.2. Характеристики принципа производства

Принцип производства (как и другие формационные категории) можно представить в разных проекциях: системной, пространственной и временной. Особенno важно проанализировать временную, так как с циклом принципа производства я связываю весь формационный цикл.

Цикл принципа производства можно представить как классический трехэтапный: зарождение, зрелость, упадок. Это имеет свои удобства. Но более продуктивным является деление на шесть этапов: каждая пара из них показывает дополнительный ритм смены качественных и количественных характеристик.

1. Первый этап, «переходный», связан с появлением нового принципа производства в одном или нескольких местах, еще очень неразвитого и несовершенного. Можно считать, что собственно наиболее важная техническая инновация зарождающегося принципа производства появляется либо на шестом этапе старого принципа производства, либо в тех обществах, которые частично уже преодолели основное противоречие, но не нашули генерального направления. Зато в обществах, идущих следом, эти инновации приобретают уже иной характер, то есть новые производства используются уже в другой, чем до этого, среде, системе, направленности, значимости и т. п.

Далее идет упрочение новой производственной системы. Она начинает занимать все более существенное место во всем хозяйстве, но еще не основное. Идет сближение (обмен достижениями) между передовыми областями и районами, в результате чего новое приобретает уже достаточную структурную сложность.

2. Второй этап, «молодости», связан с более широким распространением новых укладов и укреплением нового принципа производства, который теперь уже господствует во многих местах. Молодой принцип производства на первой стадии экстенсивен: возможность его окончательной победы лежит именно в наиболее широком распро-

странении, чтобы выявились разные варианты перехода к зрелым формам. Да и природные ресурсы, которые вводятся им в оборот, в этот период являются еще огромными. Идет обмен достижениями уже в более широком объеме, одни новации вызывают изменения в других. Новое дифференцируется в виде особых специализированных укладов. Среди последних угадываются направления, которые в будущем станут ведущими. Таким образом, из пары первый — второй этапы первый следует считать более качественным, второй — более количественным.

3. Третий этап, «расцвета», связан с новым качественным рывком (со вторым этапом производственной революции). Появляются основные компоненты, с помощью которых новый принцип производства может перейти к зрелости, реализоваться полностью, трансформировать старые отрасли. Такой перелом начинает процесс больших изменений в профессиональном и социальном составе населения и других сферах¹⁰.

4. Четвертый этап, «зрелости», связан с процессом распространения новых технологий на большинство областей или отраслей. Принцип производства приобретает свои классические формы. Зрелость — это период, когда новое качество получает заметный количественный размах, и это связано с появлением невиданного ранее числа всевозможных производственных изменений. С точки зрения первичного рывка, перелома в историческом процессе, эти усовершенствования менее важны, чем качественные изменения предыдущего периода. Но с точки зрения производительности труда и развитости технологии, они, безусловно, более весомы, чем достижения этапа расцвета. Поэтому внешне этап зрелости — это эпоха больших, зрячих, фантастических по прежним меркам перемен. Следовательно, в паре третий — четвертый этапы третий является более качественным, а четвертый — более количественным.

5. Пятый этап, «высокой зрелости», ведет к интенсификации производства, доведению его потенций почти до

---

¹⁰ Поскольку три первых этапа принципа производства совпадают с производственной революцией, то принцип производства можно представить как двухэтапный: незрелый, во время которого происходит производственная революция, и зрелый.

предела, за которым уже возникают кризисные явления. За счет преодоления некоторых прежних технических ограничений возникают несистемные для данного принципа производства явления. Появляется огромный, по прежним меркам, прибавочный продукт, и с позиции прежних масштабов дело идет к некоему «обществу изобилия». Из пары пятый — шестой этапы пятый можно условно считать более качественным, а шестой — более количественным.

6. В шестом, «подготовительном», этапе интенсификация усиливается, появляется все больше элементов, которые готовят рождение нового принципа производства. Но они еще не складываются в систему. Тем не менее таких моментов накапливается весьма много, а их влияние расстет. В некоторых отношениях (и справедливо) кажется, что наступает иная эпоха. Но в логике исторического процесса это завершение прежней.

Далее в некоторых обществах, близких к генеральной линии, возможен переход к новому принципу производства, и цикл повторяется. Таким образом, с точки зрения генеральной линии исторического процесса *шестой этап принципа производства — последний*¹¹. Но в целом старый принцип производства еще продолжает развиваться. Только развитие это идет по нисходящей линии, поскольку уже появилась или должна появиться восходящая. Развитие по нисходящей не означает ни прямого регресса, ни даже стагнации. Это прогресс, но старого типа, уже менее существенный, менее приемлемый, поскольку появляется прогресс иного рода, обладающий гораздо большими потенциями.

Поскольку ряд обществ проскаивают возможность перейти из шестого этапа старого принципа производства в первый этап нового, но все же двигаются вперед, развитие в них можно представить как продолжение старого принципа производства в нисходящей его части, обозначаемое как 7-й и 8-й его этапы.

7—8. Седьмой и восьмой этапы характерны для обществ, отошедших от генеральной линии, но продолжающих развитие и преодолевших во многом основное противоречие (о котором дальше).

---

¹¹ Схему шести этапов принципа производства см. на с. 35.

Развитие идет, но в сторону от генеральной линии исторического процесса, тем не менее возможен возврат к ней.

Хотя начинается нисходящая часть формации, однако чисто хронологически седьмой этап в отдельных обществах может наступать раньше, чем первый этап в обществах, которым суждено стать основоположниками начала нового принципа производства. Это совершенно естественно, поскольку для рождения нового в плане наилучшей модели необходима проба, то есть появление достаточно удачных, но ретроспективно не проходных вариантов. А на их основе следующие за ними общества могут родить более интересное.

Таким образом, моменты перехода к седьмому этапу старого принципа производства и до начала первого этапа нового принципа производства генеральная линия исторического процесса как бы приостанавливается или даже временно отходит назад в поисках общества, которому суждено принять историческую эстафету. На первых этапах нового принципа производства параллельно существуют и старый и новый принципы производства.

Скажем еще несколько слов о системной проекции принципа производства, представив ее в следующих моментах, для каждого из которых можно (по горизонтали) выделить наиболее типичные черты¹².

1. Характер отношений с природой и основной предметом труда. 2. Характер техники и технологий. 3. Характеристики работников и форм их организации. 4. Тип коммуникаций, информации, энергии, хранилищ. 5. Наиболее типичные способы воспроизводства и развития производительных сил. Особое сочетание этих частей создает варианты принципа производства. Последние могут составлять особые линии развития.

Достаточно условно можно считать, что в охотниче-собирательском принципе производства ведущей является природная составляющая, в аграрно-ремесленном — производственная организация, способствующая постоянному разделению труда, в промышленном — техническая, в научно-информационном — информационная¹³.

---

¹² Сравнения обществ, уже достигших данного принципа производства, — это горизонтальное измерение. В плане же выяснения причин и хода первоначальных качественных рывков, то есть генеральной линии вертикального измерения, в понятии принципа производства объединены наиболее передовые хозяйствственные уклады, которые обречены в дальнейшем победить.

¹³ Но далее, возможно, она сменится на составляющую управления природно-производственными процессами.

1.3. Принцип производства и основное противоречие

Развитие принципа производства станет наиболее ясным, если показать, каким образом оно связано с преодолением основного противоречия. Именно так и сделано в дальнейших параграфах. Поэтому необходимо кое-что сказать о категории «основное противоречие», хотя к ней мы еще вернемся в свое время.

Основное противоречие формации — это категория, которая конструирует несоответствия внутри формации между принципом производства и типом отчуждения благ и личности. Эти несоответствия связаны с невозможностью использовать потенции производительных сил из-за ограничений распределительных и иных отношений. Но это противоречие формулируется в целом для исторического процесса, а не для отдельных обществ и потому имеет весьма абстрактный характер, хотя так или иначе угадывается в любом социальном организме соответствующего уровня развития. В каждом из них оно может иметь большие особенности и по проявлению, и по степени важности для данной системы.

Основное противоречие формируется и институционализируется на этапе зрелости и развивается на дальнейших этапах. Сначала оно еще не кризисно. И на первых порах более всего в нем ощутим, условно говоря, его **технический аспект**, то есть его особенности связаны в первую очередь с ограничениями самих производительных сил¹⁴. Иными словами, производство еще не в состоянии обеспечить слишком большой прибавочный продукт либо нет условий для более выгодного его использования (хранения, обмена, передачи на дальние расстояния и т. п.). Определенная скучность (отсутствие изобилия) является главной проблемой, и под нее подстраиваются распределение и иные общественные институты, в том числе мораль, право и прочее.

---

¹⁴ В этой главе я нередко использую определение «технический» не в узком, а в широком смысле слова, как синоним определений «производственный», «хозяйственный», «технологический». Делается это для улучшения стиля, так как слово «производственный» и его синонимы и без того употребляются очень часто. Поэтому использование в указанном смысле слова «технический» не противоречит тому, что говорилось о разной роли техники на протяжении исторического процесса.

Однако по мере того как новации ширятся, по мере все более полной реализации потенций принципа производства (то есть на этапах высокой зрелости и подготовительном) это техническое противоречие в значительной мере снимается, и общество получает в руки техническую возможность и производить гораздо больше, и более выгодно использовать произведенное. Однако тут ужеочно утвердившиеся отношения и представления являются препятствием для более прогрессивного использования производственных ресурсов и потенций¹⁵. Теперь проблема в большем изобилии, чем система была рассчитана.

Таким образом, при существенном устраниении технических ограничений основное противоречие как бы отодвигается и модифицируется. Но, разрешаясь в каких-то частностях, оно в целом создает еще большее несоответствие между производством и общественными отношениями. Теперь на первый план выходит общественная сторона основного противоречия.

1.4. Относительно большая фундаментальность принципа производства

Теперь кстати будет остановиться на очень важном методологическом моменте об относительно большей фундаментальности принципа производства. Этот принцип позволяет лучше понять, почему начало новой формации правильнее связывать с началом нового принципа производства и соответственно с началом производственной революции. А вместе с обратным ему принципом инвариантности объясняет, почему хотя и с запозданием и с разной скоростью, но неизбежно происходят аналогичные по глубине и системности перемены и в остальных сферах, описываемых формационными категориями; почему указанным уровням развития мировых производительных сил строго соответствуют уровни развития остальных сфер в историческом процессе.

---

¹⁵ Когда Маркс говорил о законе, ведущем к абсолютному обнищанию рабочих, он просто проецировал еще незрелое основное противоречие капитализма на будущее, однако рост производительности труда и прочее существенно изменили ситуацию. То же можно сказать и о знаменитом законе убывающего плодородия.

Иммануил Валлерстайн справедливо замечал, что споры о фундаментальных вещах всегда трудны¹⁶, поэтому данное положение требует дополнительных обоснований и пояснений.

Развитие любого социума как системы по сравнению с обобщенным формационным всегда односторонне, поскольку все части общества не могут быть одинаково развиты, слабость и недоразвитость одних компонентов компенсируется силой и продвинутостью других. Роль большинства обществ в плане рождения чего-то действительно нового и важного обычно пассивна или случайна. И только меньшая часть из них является первоходцами. Но и то лишь в отдельных направлениях, а не сразу во всех. Чем в большем числе областей удается добиться таких достижений, тем реже подобные случаи и короче блестящие исторические периоды.

Иногда такое продвинутое общество, оставаясь еще в своей формации, в каких-то моментах перерастает ее. Так, эллинистические культура и наука, равно как и позднеримское (византийское) право, можно считать, превзошли уровень второй формации. Но зато античные общества отставали в развитии религии¹⁷, погрязли в рабовладении (внекономический тип отчуждения — характернейший признак второй формации), не консолидировались в достаточно крепкий этнос.

Другой пример. Средневековый Китай в отдельные периоды представлял удивительно мощное и совершенное по тем временам государство, которое цементировало этнос, а его идеология могла заменить религию. Это уже черты третьей формации. Зато частная собственность была развита слабо.

Разумеется, такие прорывы могут быть только на высших стадиях формации, близких к ее завершению, либо в обществах-переростках, которые по общему уровню уже превзошли пределы старой формации, но ретроспективно оказываются на тупиковом направлении¹⁸.

---

¹⁶ Wallerstein I. World-Systems Analysis / Social Theory Today. Cambridge, England, 1988. P. 309.

¹⁷ Во всяком случае, христианство не спасло Римскую империю от крушения.

¹⁸ Такие общества, как было сказано, находятся в 7—8-м этапах нисходящей фазы принципа производства.

Конкретных причин подобных продвижений в отдельных узких областях в следующую формацию немало. Среди наиболее общих больший, чем обычно, избыток благ, удачно принятая эстафета или плодотворный синтез достижений других, образование внутри своей пространственно-временной группировки особой политico-культурной общности, способной к взаимообогащению, и т. п. Но в целом эти явления говорят, что идет подготовка к переходу в новую формацию путем развития определенных аспектов жизни и даже создания новых моделей. Часть достижений заимствуется или приспосабливается к своим нуждам все новыми обществами, одни вещи цепляют и тянут другие — словом, накапливается количество перемен, которые должны перейти в новое качество. Без всего этого рывка в следующую формацию не бывает и быть не может.

Но той завершающей части, которая наконец-то начнет (только начнет еще) собирать все это в систему, преобразовывать и растить, не может быть без рождения нового принципа производства. Дело в том, что прорыв ни в одной другой сфере, кроме принципа производства, не будет тем импульсом, который обеспечит переход к новой формации, то есть вовлечет в себя основные регионы, потянет за собой раньше или позже и остальные области жизни, перестроит их коренным образом.

Стоит порассуждать об этом. Возьмем тип общественного сознания. Ряд форм общественного сознания, например религия, может широко распространяться и заимствовать. Рассмотрим наиболее яркий случай, когда переход к новой религии совпал с изменениями глобального по качеству и масштабу характера, — Реформацию в Европе. Не повторяясь о споре, открытом знаменитой работой М. Вебера о причинах капитализма¹⁹, обращу внимание на следующее.

Во-первых, в плане развития религии этот перелом, думается, был менее важным, чем переход к христианству. Однако результаты по значимости (в аспекте перехода мира к новой фазе) почему-то оказались обратно пропорциональными: более важный духовный рубеж не привел

---

¹⁹ О роли эпохи Реформации, как и Возрождения, мы подробно говорили (см. настоящую работу // Философия и общество. 1998. № 4).

к революционным изменениям в экономике, а менее важный — вызвал их. В плане теории исторического процесса это, конечно, несерьезно и нелогично. Во-вторых, реформированная религия распространилась в меньшинстве стран, а капитализм — не только на весь христианский, но и нехристианский мир. Выходит, что для перехода к капитализму перенимания религии не требовалось, а вот заимствование техники и технологии было нужно обязательно.

В целом религия (как и духовная культура) не может радикально изменить уровень производства, а при переносе в общества более низкого уровня просто редуцируется и варваризируется. А вот заимствование более высоких производительных сил обычно ведет и к общему подъему культуры. Совершенно очевидно, что вместе с новой формацией меняется и тип общественного сознания. Но по времени значительно позже, чем принцип производства, который опосредованно дает этому толчок²⁰.

Возьмем тип политической организации обществ. Иногда законы или институты, в том числе политические, если они уже получили широкое распространение и как бы «положительную оценку», заимствуются. Однако без необходимого базиса они не приживаются (история различных демократий и реформ здесь исключительно характерна)²¹. Таким образом, смена типа политической организации невозможна без изменений в принципе производства.

Несколько иная ситуация с типом отчуждения. Выгодная торговля или возможность эксплуатировать других, богатство почвы или недр, монополия на что-то и т. п. могут вести к изобилию, что взламывает старые пропорции и способно иногда существенно и качественно трансформировать общество. Но при всей важности таких рывков данная ситуация малопригодна к заимствованию, поскольку держится именно на исключительности. А при ухудшении положения в производстве более высокие распределительные отношения сменяются менее развитыми.

---

²⁰ Мы уже рассматривали эту связь в шестой главе (см. Философия и общество. 1998. № 3).

²¹ Переход к государству имел революционное значение для ряда варварских обществ, но любое государство базировалось на уже совершившемся переходе к производящему хозяйству.

Значит, даже преодоление старых ограничений в целом, но только в одном обществе и в виде исключения, которое не может превратиться в правило, не способно стать исходным пунктом смены формации. В формационном же масштабе тип отчуждения не может измениться без достаточного объема прибавочного продукта. А последнее опять же в формационном масштабе может обеспечить только смена принципа производства²².

Итак, хотя объектом копирования становятся разные институты, но в общем случае технологию и технику заимствовать гораздо легче (тем более предметы потребления или орудия производства, получаемые при торговле). Кроме того, очень часто кажется, что это не потребует никаких радикальных изменений в устоях. А уже когда общество втянулось в новшества, возникает необходимость и дальнейшей модернизации.

Таким образом, роль каждой области жизни очень велика, и в конечном счете переход к новой формации не может завершиться без перелома во всех них. Но, повторюсь, и фактически, и методологически более правильно считать именно принцип производства той частью, которая дает первотолчок. В отдельных случаях как будто именно изменения в других аспектах жизни начинают отсчет той или иной формации (как в примере с протестантизмом), но для всего исторического процесса вполне очевидно, что новая формация начинается именно с принципа производства.

Вновь повторюсь, что, когда смена формации стала уже достаточно наглядным фактом, а разница между старым и новым во всех областях заметна, что называется, невооруженным глазом, можно начинать отсчет новой формации и с более поздних, более зрелых ее этапов. Но тогда, во-первых, надо такой прием проводить последовательно, а во-вторых, и в главных, понять генезис и движущие силы нового, пропорции между незрелыми и зрелыми этапами, причины коренных перемен в разных областях жизни и многое другое будет существенно сложнее.

---

²² Аналогично обстоит дело с типом социальной организации обществ. Социальная структура может меняться так или иначе, но основные характеристики не могут смениться без радикальных перемен в демографических характеристиках и объеме благ.

к революционным изменениям в экономике, а менее важный — вызвал их. В плане теории исторического процесса это, конечно, несерьезно и нелогично. Во-вторых, реформированная религия распространилась в меньшинстве стран, а капитализм — не только на весь христианский, но и нехристианский мир. Выходит, что для перехода к капитализму перенимания религии не требовалось, а вот заимствование техники и технологии было нужно обязательно.

В целом религия (как и духовная культура) не может радикально изменить уровень производства, а при переносе в общества более низкого уровня просто редуцируется и варваризируется. А вот заимствование более высоких производительных сил обычно ведет и к общему подъему культуры. Совершенно очевидно, что вместе с новой формацией меняется и тип общественного сознания. Но по времени значительно позже, чем принцип производства, который опосредованно дает этому толчок²⁰.

Возьмем тип политической организации обществ. Иногда законы или институты, в том числе политические, если они уже получили широкое распространение и как бы «положительную оценку», заимствуются. Однако без необходимого базиса они не приживаются (история различных демократий и реформ здесь исключительно характерна)²¹. Таким образом, смена типа политической организации невозможна без изменений в принципе производства.

Несколько иная ситуация с типом отчуждения. Выгодная торговля или возможность эксплуатировать других, богатство почвы или недр, монополия на что-то и т. п. могут вести к изобилию, что взламывает старые пропорции и способно иногда существенно и качественно трансформировать общество. Но при всей важности таких рывков данная ситуация малопригодна к заимствованию, поскольку держится именно на исключительности. А при ухудшении положения в производстве более высокие распределительные отношения сменяются менее развитыми.

²⁰ Мы уже рассматривали эту связь в шестой главе (см. Философия и общество. 1998. № 3).

²¹ Переход к государству имел революционное значение для ряда варварских обществ, но любое государство базировалось на уже совершившемся переходе к производящему хозяйству.

Значит, даже преодоление старых ограничений в целом, но только в одном обществе и в виде исключения, которое не может превратиться в правило, не способно стать исходным пунктом смены формации. В формационном же масштабе тип отчуждения не может измениться без достаточного объема прибавочного продукта. А последнее опять же в формационном масштабе может обеспечить только смена принципа производства²².

Итак, хотя объектом копирования становятся разные институты, но в общем случае технологию и технику заимствовать гораздо легче (тем более предметы потребления или орудия производства, получаемые при торговле). Кроме того, очень часто кажется, что это не потребует никаких радикальных изменений в устоях. А уже когда общество втянулось в новшества, возникает необходимость и дальнейшей модернизации.

Таким образом, роль каждой области жизни очень велика, и в конечном счете переход к новой формации не может завершиться без перелома во всех них. Но, повторюсь, и фактически, и методологически более правильно считать именно принцип производства той частью, которая дает первотолчок. В отдельных случаях как будто именно изменения в других аспектах жизни начинают отсчет той или иной формации (как в примере с протестантизмом), но для всего исторического процесса вполне очевидно, что новая формация начинается именно с принципа производства.

Вновь повторюсь, что, когда смена формации стала уже достаточно наглядным фактом, а разница между старым и новым во всех областях заметна, что называется, невооруженным глазом, можно начинать отсчет новой формации и с более поздних, более зрелых ее этапов. Но тогда, во-первых, надо такой прием проводить последовательно, а во-вторых, и в главных, понять генезис и движущие силы нового, пропорции между незрелыми и зрелыми этапами, причины коренных перемен в разных областях жизни и многое другое будет существенно сложнее.

---

²² Аналогично обстоит дело с типом социальной организации обществ. Социальная структура может меняться так или иначе, но основные характеристики не могут смениться без радикальных перемен в демографических характеристиках и объеме благ.

Итак, прежде чем появится самый первый вариант нового принципа производства, должно накопиться очень много разных новшеств во всех областях. Но только с его рождением возникает возможность, что многие из них сложатся в новую систему, причем ряд этих достижений начинает играть роль только далеко впоследствии.

Это не значит, что именно общество, где новый принцип производства родился, и станет сразу обладателем всех преимуществ. Увы! Эти преимущества становятся видны далеко не сразу и уж во всяком случае далеко не полностью. У них иные достоинства. Если новый принцип производства на первых порах и не дает столь быстрого эффекта, как удачная война, растущая, как на дрожжах, выгодная торговля и т. п., зато способен широко распространиться и заимствоваться.

Однако не сразу, не вдруг и не просто. Дело в том, что он еще однобок, а потому неустойчив, может быть отброшен, регрессировать. Но он уже начал жить и так или иначе вовлекать в свою орбиту новые области. Постепенно идет обмен достижениями между разными однобокими вариантами нового принципа производства, и вот тогда он становится более способным к распространению и заимствованию.

Другое важнейшее преимущество нового принципа производства — создание условий для увеличения населения. Такой рост ведет к давлению на иные сферы жизни, которые начинают трансформироваться, хотя и с меньшей скоростью, чем принцип производства. Очевидно, чтобы система изменилась, нужно изменить ее пропорции. Большой рост населения, а также его концентрация в определенных местах — очень эффективное средство для этого. Кроме всего, новый принцип производства обычно вовлекает в свою систему гораздо большее количество людей и специалистов, чем иные сферы (управление, культура), поэтому и распространение его идет гораздо быстрее.

Таким образом, с появлением нового принципа производства начинаются кумулятивные изменения в социумах и, что важнее всего, район таких изменений постоянно увеличивается. Рост населения, новые технологии, обмен достижениями и т. п. ведут к появлению гораздо большего объема благ, чем ранее. А это, как сказано, спо-

собно взломать пропорции и привести к изменению в общественной системе.

На втором этапе новый принцип производства приобретает намного более широкую базу, а его преимущества становятся гораздо очевиднее. Возникает стремление закрепить их в экспансии²³. Но на этой стадии обычно пре-восходства еще не хватает, чтобы взломать иные общества (а только втянуть их в орбиту своего существования).

Среди обществ, достигших второго этапа принципа производства, одни совершают прорыв в одних сферах, другие — в других. И перед новым качественным рывком в известной мере ситуация повторяется, то есть опять создается масса достижений, которые окажутся необходимыми в будущем и многие из которых органично войдут в структуру зрелого принципа производства. Но сейчас эти достижения не могут продвинуть мир на новую ступеньку, поскольку еще не могут сложиться в систему. И только когда в наиболее близком к генеральной линии обществе появляется недостающее звено, тогда совершается прорыв во второй этап производственной революции и открываются новые, невиданные горизонты развития. Затем через какое-то время начинаются изменения в других сферах и других обществах.

Большая фундаментальность принципа производства становится более наглядна. Скажем, что ирригационное хозяйство Египта легче связывается с его цивилизацией, а индустриализация Великобритании — с переменами в политической или социальной сферах.

---

²³ Тут уже вовлекаются и иные, помимо чисто технологических, силы, но поддерживается это именно техническим в самом широком смысле (нередко переведенным на доступный военный или денежный язык) пре-восходством.

§ 2. Производственная революция

2.1. Понятие и этапы производственной революции

Категория «производственная революция» (или ее аналоги) появилась в отечественной и зарубежной науке довольно давно, хотя встречается не так часто, как следовало бы. Интерес к таким рубежам усилился в 40—50-е годы XX века вместе с исследованием неолитической революции (Г. Чайлд и др.) и осознанием того, что мир вступил в НТР.

Несмотря на сказанное, эта категория носит все еще как бы полунаучный статус и отсутствует в справочных изданиях. А содержание ее определяется полуинтуитивно. Нет также ее анализа в связи с остальными философско-социологическими категориями. Аналогично и идея связывать с производственными революциями крупные этапы исторического процесса не представлена достаточно развернутой и обоснованной теорией, часто напоминает простую декларацию или запутывается попытками механически совместить ее с цивилизационными подходами.

О каждой из трех производственных революций написано много. Но на уровне теории исторического процесса исследований этих революций как повторяющегося явления, каждое из которых знаменует важнейший рубеж в истории человечества, мало, и к тому же они поверхностны. Нет ответов на очень важные вопросы: какова длительность революций в отношении формаций вообще и каждой из них в частности? Каковы общие черты (об отличиях речь идет чаще) и природа таких революций? Как соотносится такая революция в общечеловеческом масштабе и в локальных вариантах? Какие этапы она проходит? И т. д.

Я уверен, что обосновать теорию производственной революции возможно только в увязке со всей теорией исторического процесса, как и в том, что пока не будет ясности в понимании природы и сущности производственных революций, не будет и приемлемой периодизации истории. Последнее тем более важно, что указанные рубежи человеческой истории не оспариваются, подтверждаются многочисленными фактами и являются достаточно наглядными.

Производственную революцию можно определить как коренной переворот в мировых производительных силах, который начинается в одном или немногих местах, а затем приводит к смене принципа производства и как результат — к смене формации.

Эта революция представляет собой длительный по времени процесс, постепенно распространяющийся на все большее количество обществ и территорий. Каждая революция — результат долгого накопления количественных и качественных изменений, крупный перерыв постепенности. Каждая ведет к нарастающему усложнению общественного разделения труда и интеграции человечества. Напомню, что речь идет об:

1. Аграрной, или сельскохозяйственной революции (которую по привычке часто называют неолитической). Ее результат — переход к систематическому производству пищи и на этой базе к сложному общественному разделению труда.
2. Промышленной, или индустриальной (или машинной), в результате которой основное производство сосредоточилось в промышленности и стало осуществляться при помощи машин и механизмов.
3. Научно-информационной (обычно говорят о научно-технической революции), в результате которой появились мощная информационная техника и технология, стали использоваться новые материалы и виды энергии, распространилась автоматизация. Но основные результаты этой революции еще впереди.

Очевидно, что каждая из них уникальна и имеет совершенно неповторимые черты. Но в то же время во всех есть и много принципиальных сходств, которые позволяют создать модель производственной революции как явления. Эти свойства прежде всего связаны с тем, что производственные революции являются составной частью принципов производства, точнее сказать, их начальными этапами от рождения до обретения ими своих специфических черт.

Следовательно, именно совершение производственной революции ведет к тем переменам, которые были описаны в предыдущем параграфе при смене принципов производства. Вернее, производственная революция кладет начало этим процессам. Однако наиболее массовые и широкие

изменения, затрагивающие всех и все, происходят уже после нее, когда качественный сдвиг приобретает количественный размах, когда на базе первичных (и теоретически наиболее выдающихся) качественных перемен накапливаются вторичные, третичные и т. п., которые меняют и весь спектр качества. Меняют образ жизни и представления о нем.

Производственная революция имеет и свой собственный цикл. Вот на нем необходимо остановиться подробнее, поскольку это имеет концептуальное значение. Указанный цикл состоит из трех главных этапов (они совпадают с тремя первыми этапами принципа производства). Каждый этап производственной революции — очень крупный рывок. Эти три этапа можно интерпретировать по-разному. Мне важно подчеркнуть, что среди них можно выделить два качественных этапа и разделяющий их один количественный.

Тут следует оговориться, что нет чисто количественного и чисто качественного развития, а всегда налицо совокупность и того и другого. Но пропорции качественного и количественного в них очень различны. Исходя из этих пропорций, можно говорить о смене первого качественного этапа количественным, во время которого новое качество получает необходимую ему количественную базу, а затем вновь наступает качественный этап.

От революции к революции понятия качественного и количественного становятся все относительнее. Так, после промышленной революции количественный рост органически сочетался с качественным. А сейчас или в недалеком будущем речь должна идти, если можно так выразиться, о количестве качества, то есть о том, насколько быстрее и радикальнее одни качественные изменения по сравнению с другими²⁴.

Мне все же хотелось особо оттенить идею о двух качественных рывках в одной революции, с каждым из которых можно связывать и качественные перевороты в других сферах жизни. Для этого удобнее, на мой взгляд, представлять количественный этап как своего рода пере-

---

²⁴ Поэтому при столь высоких темпах перемен современной революции можно говорить о трех качественных этапах, из которых средний все же имеет меньшее (в теории) по революционности значение.

рыв после первого качественного этапа, связанный с количественным распространением нового в таком объеме, который необходим для подготовки второго качественного рывка. В настоящем исследовании я и буду говорить о перерыве между двумя качественными этапами. Длина перерыва вообще зависит от темпа исторического развития. Чем ближе к современности, тем он короче. Поэтому сегодня перерыв между первым и вторым этапами научно-информационной революции может быть не слишком большим либо окажется «смазанным» и не столь ясным.

Первый этап как бы переводит часть человечества в новый принцип производства. Формируются его очаги, укрепляются те секторы, в которых сосредоточено принципиально новое. Но старые общественные отношения еще долго сопротивляются этому и трансформируются лишь частично. Во время перерыва новое качество получает количественное развитие, распространяется на новые общества и территории. Возникают новые очаги, происходит обмен достижениями в самой разной форме. Идет приспособление производственных достижений, сделанных в одном месте, к иным условиям. Например создание местных сортов растений и пород животных. Накапливаются изменения, которые становятся все системнее. В этот период происходит мощная трансформация старых отношений, устраняются те из них, которые наиболее мешают прогрессу.

Но уже на первом этапе производственной революции и в перерыве между этапами намечаются разные варианты и уклады нового производства. При этом некоторые выглядят как прообраз второго этапа революции. Так, в начале аграрной революции появлялись среди других и примитивные поливные хозяйства, а в начале нового времени имелись секторы с достаточно высокой механизацией, например в горном деле. Но второй этап производственной революции прямо не вытекает из таких типов хозяйств. Он может начаться, только когда сложится весь спектр вариантов нового принципа производства, когда они взаимообогащаются и эти достижения превратятся в определенную систему, способную при благоприятных обстоятельствах начать новый рывок.

Таким образом, из ряда моделей побеждают немногие, в которых как бы аккумулируются достижения остальных.

Там, где создались не только производственные, но и общественно-политические условия и сформировался наиболее перспективный вариант производства, совершается переход ко второму этапу производственной революции, что знаменует расцвет нового принципа производства. По мере дальнейшего развития открываются, так сказать, «смысл» принципа производства и формации в целом, его возможности и пределы.

Схема двух качественных этапов производственных революций выглядит так.

Аграрная:

первый этап — переход к примитивному ручному (мотыжному) земледелию;

второй — к ирригационному или неполивному плужному.

Промышленная:

первый этап — переход к примитивной промышленности в виде мануфактур разных типов, создание различного рода машин и очень широкая специализация районов; усовершенствование морского транспорта и невиданное расширение торговли;

второй — промышленный переворот, связанный с внедрением паровых машин.

Научно-информационная:

первый этап связан с созданием электронных средств управления, связи и информации, интеллектуальная продукция занимает все большее место в объеме произведенного;

второй — впереди (о нем речь далее). Он может иметь «биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управления природой). И весьма возможно (судя по сегодняшним новинкам), начнется он с изменения биологической природы самого человека.

Обязательно отмечу, что поскольку производственная революция — явление мирового масштаба, ее схема может не совпадать с локальными вариантами такого рода переворотов в производительных силах ни по числу этапов, ни по их производственной направленности (технологии). Например, далеко не все общества начинали переход к земледелию с зерновых, многие с огородных или клубне-

ных растений. В ряде случаев переход к интенсивному земледелию происходил путем селекции или за счет особых агрономических приемов при примитивной технике (а не с помощью ирrigации или пашенного земледелия). В некоторых странах на ирригацию перешли не в этапе расцвета аграрно-ремесленного принципа производства, а значительно позже (как в Китае). Первый этап промышленной революции в некоторых европейских странах также породил ряд тупиковых вариантов (как колониальный вариант Испании). В США промышленный переворот совершился на водной энергии. И т. д.

В формационной схеме производственной революции учитываются по генеральной линии наиболее перспективные модели. Но по горизонтали она может быть рассмотрена как сумма разных локальных вариантов, имеющих принципиальное сходство в своих результатах. В дальнейших параграфах будет сказано о таких боковых формах.

2.2. Производственные революции и периодизация исторического процесса

Признание двух этапов и перерыва между ними позволяет убрать целый ряд теоретических трудностей как в объяснении движущих сил исторического процесса, так и его периодизации. Дело в том, что в связи с неразработанностью теории производственной революции и нестыковкой ее с теорией исторического процесса в целом при попытках использовать эти революции в качестве основания периодизации и объяснения важнейших изменений в ходе исторического процесса, возникают серьезные несоответствия. Их будет удобно систематизировать в проблемных вопросах, которые мог бы задать оппонент периодизации на основе качественных ступеней развития производительных сил, разделяемых производственными революциями. А затем я отвечу на них.

1. Если каждая формация должна иметь одну собственную производственную базу, тогда почему первая (первобытная) формация базируется на двух типах экономики: присваивающем и производящем? И почему охотниче-собирательское и раннеземледельческое общества столь похожи, если их разделяет производственная революция?

2. А если первая формация заканчивается с началом аграрной революции, то почему переход к сельскому хозяйству, с одной стороны, и возникновение государственности и переход к цивилизации — с другой так разнятся во времени? Вероятно, между этими процессами нет причинной связи²⁵. А раз так, значит, аграрную производственную революцию совершенно верно относить к первобытности, а начало второй формации связать с переходом к государственности и цивилизациям.
3. Если же все-таки производственная революция должна предшествовать смене формации, тогда почему капиталистические отношения и вся система капитализма возникают до промышленной революции?
4. Аналогично вопросу 2, почему не произошла смена капиталистической формации, которая все еще продолжается (ведь и сегодня основные отношения все те же, что и раньше), несмотря на все углубляющуюся научно-техническую (информационную) производственную революцию?

Действительно, если ограничиться только поверхностными представлениями о производственных революциях, например ассоциировать аграрную только с переходом к примитивному сельскому хозяйству в мезолите-неолите, считать промышленную революцию и промышленный переворот второй половины XVIII столетия синонимами, проблемы становятся неразрешимыми.

Однако практически все они снимаются и все становится на свои места, если принять идею совершения производственных революций в два этапа с перерывом²⁶.

1. Верхнюю границу первой формации надо связывать с переходом в некоторых местах к сельскому хозяйству, а не с появлением первых государств. Тогда первая формация (как и все остальные) имеет свою единственную

---

²⁵ «Особо губительным для марксистской философии является то обстоятельство, что важнейшие отличительные черты надстройки (государство и письменность) не соотносятся... с началом организованного производства продуктов питания» (Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 240).

²⁶ И некоторых с ними связанных идей, высказанных ранее, в частности переходе основного противоречия в остаточное, которое преодолевается в первых этапах новой формации.

производственную базу, свой собственный принцип производства, основанный на присваивающих видах хозяйства. Нет ничего удивительного в том, что охотниче-собирательское и раннеземледельческое общества во многом похожи, раз изменения в других сферах идут с запозданием по сравнению с переменами в производительных силах. Поэтому на ранних этапах принципа производства во многих областях жизни между старым и новым очень многое сходства.

2. Переход к примитивному земледелию не мог привести к возникновению государственности и развитой культуры, поскольку он являлся лишь первым этапом сельскохозяйственной революции.

Однако неправомерно представлять, что аграрная революция закончилась задолго до появления государств²⁷. Нет, закончился лишь ее первый этап. И если считать переход к ирригационному земледелию вторым этапом аграрной революции, с которым начинаются расцвет и позже зрелость формации, то формирование государства и цивилизации легко соотносится с этим производственным рубежом. Все вполне объяснимо: на основе невиданного ранее изобилия, созданного вторым этапом аграрной революции, идут демографические, политические и культурные процессы. Хотя они очень разные в разных местах, но принципиально и функционально похожи. Для этого случая вполне справедливыми будут слова Чарльза Рида: «...Одно необходимо помнить, что в эволюции, биологической или культурной, одна вещь случается [только] после другой»²⁸.

3. В свою очередь, капитализм не опережает промышленную революцию. Ведь под ней имеется в виду только промышленный переворот, то есть второй ее этап. А первый этап промышленной революции начался в XV—XVI веках, и с ним сформировались некоторые черты раннего капитализма, хотя феодальные отношения в обществе еще преобладали.

4. С началом НТР надо говорить о конце промышлен-

²⁷ В этом смысле название «неолитическая» начинает вводить в заблуждение, будто аграрная революция окончилась много раньше, чем на самом деле.

²⁸ The Origins of Agriculture. Ed. Ch. A. Reed. The Hague — Paris, 1977. P. 885.

ного принципа производства и третьей формации в целом (а значит, и капитализма как ее варианта) и переходе к научно-информационному принципу производства, а следовательно, и к четвертой формации, которая еще будет разворачиваться ряд десятилетий. Уже сегодня во многих отношениях характеристики третьей формации кардинально изменились, но поскольку четвертая еще не обрела своих специфических черт, остается и много общего с прошлым. Все эти моменты более основательно рассматриваются в последующих параграфах.

Таким образом, представление о производственных революциях как временных и системных процессах, имеющих собственный ритм (два качественных этапа и перерыв между ними, которые совпадают с тремя первыми этапами принципа производства) представляется весьма удачным, продуктивным и подтверждающимся основными фактами.

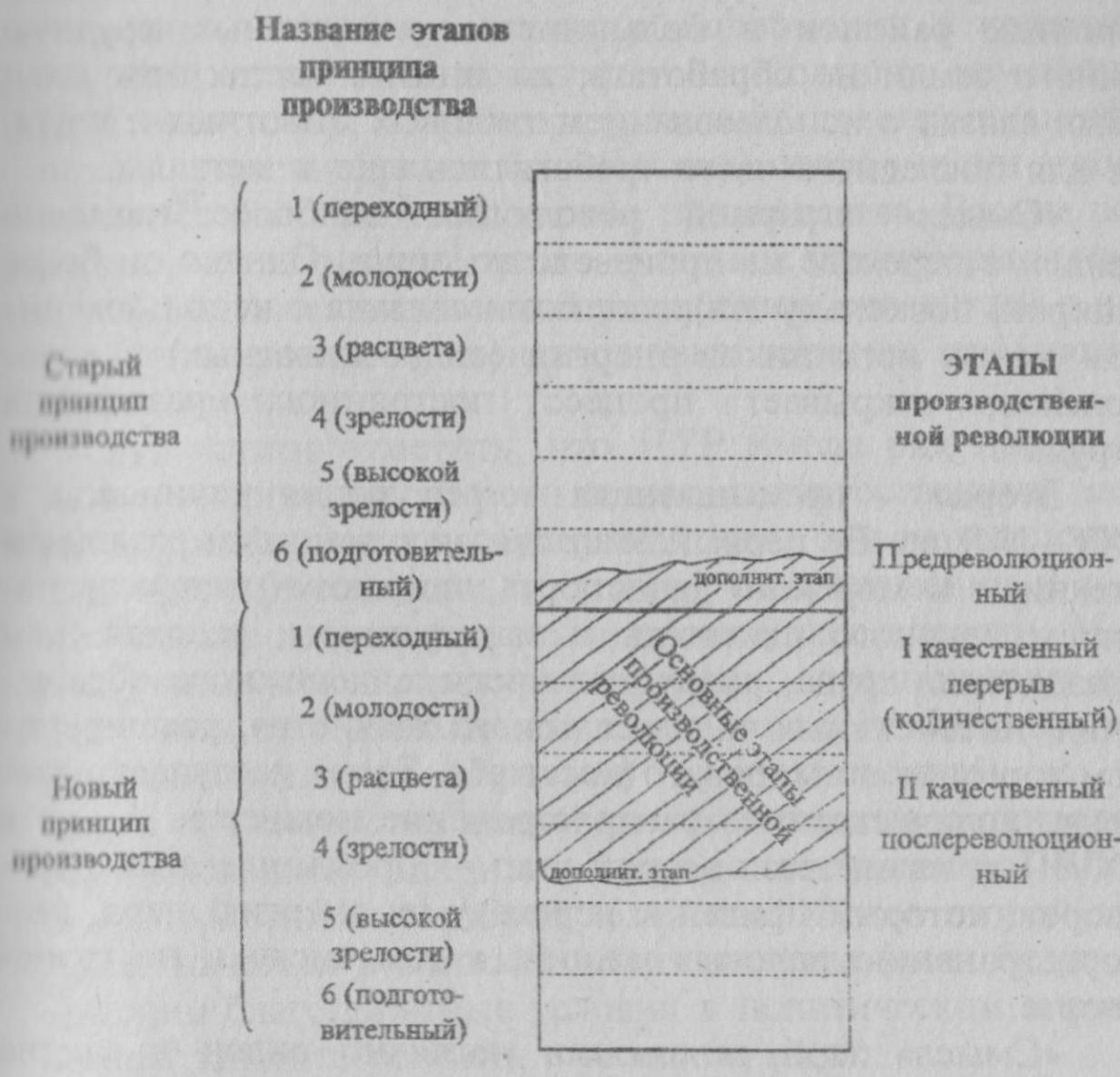
Но не следует упускать из виду следующий нюанс. Такова структура производственной революции, если она рассматривается как составная часть исторического процесса. Но если анализировать ее как изолированное явление, то, естественно, границы ее расширяются. Ведь нужно будет учесть, во-первых, «предреволюционный» этап. Он занимает часть последнего, шестого, подготовительного этапа старого принципа производства, во время которого накапливаются несистемные изменения. Во-вторых, «послереволюционный», который занимает часть четвертого (зрелости) этапа принципа производства. Образно говоря, в это время революция затухает, а новые отношения широко распространяются.

В этом случае в цикл производственной революции включаются как бы два дополнительных этапа, и вся схема выглядит так:

предреволюционный (подготовительный) — первый качественный этап — перерыв (количественный этап) — второй качественный этап — послереволюционный (второй количественный этап).

Более наглядно временная структура производственной революции и принципа производства видна на следующей схеме.

Этапы производственной революции и принципа производства

Условные обозначения

- //// Временной объем производствен-
ной революции
- Границы между прин-
ципами производства

2.3. Характеристики производственных революций

Аграрная революция начинается включением земледелия и скотоводства в постоянный производственный процесс. Постепенно были одомашнены многие растения и животные. Первый этап сменяется распространением новых промыслов, обменом достижениями между сельскохозяйственными районами и в целом расширением набора культур и животных. Второй этап аграрной революции связан с переходом к ирригации и созданием устой-

чивой и достаточно крупной системы ирригационного земледелия. Следовательно, земля и вода становятся главными предметами труда²⁹. Но поскольку в отличие от поливных районов в большинстве неполивных вручную много земли не обработать, во многих местах этот план был связан с использованием тягловых животных и плуга, а для последнего часто требовалась еще и металлы.

«Смысл» аграрной революции наиболее наглядно виден в переходе на производство пищи. Однако он более широк, поскольку эта революция связана с использованием новых источников энергии (силы животных) и материалов; открывает процесс постоянного разделения труда³⁰.

Вторая — промышленная — революция начинается в XV—XVI вв. Ее первый этап связан с мощным развитием техники и морского транспорта, широким распространением водяного двигателя и мануфактуры, усложнением разделения труда, развитием кредита, денежного обращения, интенсивных видов сельского хозяйства, расширением торговли до мирового масштаба. Затем наступает перерыв, количественное распространение новшеств. А уже в XVIII в. начинается второй этап — промышленный переворот, который привел к переходу на энергию пара, распространению паровых машин, в том числе и на транспорте.

«Смысл» этой революции наглядно виден в замене ручного труда машинным, а биологической энергии — водной и паровой. Но если брать шире, то это революция трудосбережения (не только в физическом труде, но и в учете, контроле, управлении, обмене, кредите, передаче информации), и этот процесс идет постоянно и после нее.

Наконец, третья революция началась в 40—50-е годы XX века и продолжается по сию пору³¹. Она получила на-

²⁹ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 275.

³⁰ При этом такое разделение труда захватывает не только само производство (и обмен), но и все общество, можно сказать, что идет как производственное, так и социальное разделение труда, поэтому социальная структура очень часто вытекает именно из такого разделения. Отсюда часто трудно провести грань между собственно производственным и социальным аспектами.

³¹ Хронология ее естественно затруднена, поскольку она может быть установлена лишь после ее завершения, ретроспективно.

звание научно-технической, хотя точнее ее было бы называть научно-информационной, так как наметился переход к научным методам управления производством и обращением, а в сфере создания информации и интеллектуальной продукции произошли наибольшие изменения. При этом сбор, обработка, создание, распространение, прием и расшифровка (толкование) информации становятся все более важной частью производства. Вероятно, что нынешнее время — это как раз перерыв между двумя этапами современной революции, связанный с широчайшим распространением новых техники, технологии, образа жизни.

Тут кстати отметить, что НТР имела ряд направлений: в энергетике, области создания искусственных материалов, информатике, науке, медицине, сельскохозяйственной сфере (в селекции и прочем), автоматизации и т. д.

Главные изменения, по-видимому, еще впереди. Многие ученые вполне аргументированно предполагают еще один этап этой революции, связанной с глобальным информационным (и научным) проникновением во все сферы деятельности, изменением отношения к природе и возникновением мощных природовосстановительных и природоохранных секторов хозяйства. И этот второй этап может начаться в ближайшие десятилетия (если будут достаточно благоприятные условия в политическом и социальном климате основных регионов мира).

Как сказано выше, сегодняшняя направленность науки дает основания говорить, что первичный прорыв может состояться в области планируемого воздействия на человеческий организм³². Но в целом, очень вероятно, что эта революция станет революцией «управляемых систем», иными словами, широким развитием способности планируемо влиять и в целом управлять самыми разными природными и производственными процессами.

Очевидно, что всем трем производственным революциям присущи общие черты. Однако они присутствуют и проявляются в каждой из них в разной степени. Это вполне понятно, поскольку в связи с ускорением исторического развития, сближением обществ и прочими явлениями

³² Нельзя сказать, что это вызывает только восторг, но, во всяком случае, такая тенденция есть, а отношение к ней — вопрос иного плана.

ми те или иные качества приобретают разную степень значимости в разных периодах исторического процесса. Да и как могут одинаково проявляться противоположные качества, скажем, наличие локальных и параллельных вариантов производственных революций, с одной стороны, и обязательность обмена достижениями между разными регионами, идущими к новому, — с другой? Ясно, что чем плотнее контакты, тем меньше самостоятельных вариантов и наоборот.

Таким образом, одни качества более присущи аграрной революции, другие — научно-информационной, промышленная революция, как средняя, в чем-то соединяет в себе черты и той и другой, причем первый ее этап может более тяготеть к ранней, а второй — к поздней по времени революции.

В заключение параграфа кстати будет заметить, что совершенно неприемлема подмена понятия «производственная революция» другими, более узкими по содержанию, например «техническая революция»³³. Ведь в аграрной революции главный момент отнюдь не технического свойства. И напротив, такой глобальный технический сдвиг, как переход к обработке металлов (даже железа), во многих обществах не вел к переменам в производстве, сравнимым с переходом к земледелию.

Производственная революция обязательно связана с технической, но это не синонимы. Последняя — составная часть первой. Ведь любая производственная революция включает в себя технические перевороты, равно как революции в энергетике, транспорте, передаче информации, с нового времени — и в науке.

Но в каждой производственной революции и даже каждом ее этапе роль тех или иных составных процессов меняется по значимости³⁴. Первый этап аграрной революции был мало связан с техническими изменениями, и во

---

³³ Фактически так делал, например, В. П. Илюшечкин, который стремился разработать концепцию этапов развития производительных сил, но ошибочно полагал, что это можно сделать на базе этапов развития прежде всего техники (см.: Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 59—60; он же. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С. 43—44).

³⁴ Сравните, например, роль научной революции конца XIX — начала XX века и современной в плане влияния на принцип производства.

многих местах обходились простой палкой-копалкой. Гораздо большие перемены были в обработке камня, домашних промыслах и зарождающихся ремеслах. Но это не играло еще решающей роли. И даже второй этап аграрной революции в его ирригационном варианте все еще мало зависел от техники. Зато другой вариант второго этапа аграрной революции не мог быть завершен без начавшейся технической революции в металлургии. Но все еще роль техники была не решающая.

Значение технических изменений заметно возросло уже на первом этапе промышленной революции (хотя бы в усовершенствовании парусных судов). А со второго ее этапа роль техники стала решающей. В современной революции она также очень важна, но мне кажется, первенство уже перешло к иному: переменам в информатике, новым материалам, видам энергии и своего рода научной технике (инженерии), особенно в биологии.

§ 3. Охотниче-собирательский (присваивающий) принцип производства

3.1. Проблема предыстории

На протяжении исторического процесса значимость разных движущих сил менялась. Но все они являлись силами социального плана. Даже когда речь идет о влиянии природы, характер приспособления к ней был именно социальный, а не биологический. А вот период антропогенеза имел совсем иную комбинацию движущих сил, где сначала преобладают, а потом остаются исключительно важными именно биологические движущие силы, хотя роль социальных все время возрастает. Но даже еще и в длительные тысячелетия после появления *Homo sapiens* роль биологических сил была очень велика³⁵. Поэтому я считаю правильной точку зрения ряда ученых, которые предлагают рассматривать период антропогенеза как предысторию³⁶. Теория антропогенеза должна разрабатываться особо, и комбинация биологических и социальных факторов будет там центральной проблемой, поскольку «нарождающееся социальное еще не могло оторваться от цепко держащего его в своих руках биологического»³⁷.

При таком подходе теория исторического процесса становится более цельной. И в то же время она может активно использовать теорию антропогенеза. Таким образом, отсчет собственно исторического процесса надо начинать с 30—40 тыс. лет назад, когда, по общепринятому мнению, появился человек разумный³⁸. А нижний палеолит продуктивнее считать пред(до)историей.

---

³⁵ Хотя бы потому, что еще весь верхний палеолит и даже несколько позже продолжался расогенез (см.: Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. С. 130—134).

³⁶ Изложение этих взглядов, аргументацию за и против см.: Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1980. С. 171—173; Румянцев А. М. Первобытный способ производства (политико-экономические очерки). М., 1987. С. 19.

³⁷ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 165.

³⁸ Правда, время от времени появляются сообщения о том, что какие-либо находки удлинили время его появления от 50 до 90 тыс. лет. Однако доказательность их невелика. Но и в любом случае корректировки даты появления *Homo sapiens* принципиально не изменяют изложенной здесь концепции.

Уже те виды обезьян, которые дали начало гоминидам, вероятно, использовали орудия труда (особенно деревянные) и употребляли животную пищу. Орудия труда сопровождают человека с самых первых шагов его выделения из животного мира. Найдки Лики в Африке показывают, что история каменных орудий насчитывает 2—2,5 миллиона лет. Но, не беря во внимание те факторы биологической эволюции, которые двигали вперед процесс антропогенеза, думается, что главными достижениями были переход к организованной охоте, т. е. создание или трансформация (если в определенном виде она существовала еще у обезьяньих предков) организации по добыванию пищи, а также овладение мощным энергетическим источником — огнем и переход на приготовление пищи.

И количество видов орудий труда, и техника их обработки, и число используемых природных материалов, и объемы заселяемой территории — все это хотя и крайне медленно, но росло. Неандертальцы (в целом как биосоциальный вид), по некоторым подсчетам, производили до 60 видов различных орудий из камня, кости (в том числе рубила, скребки, шила и т. п.). Судя по находкам костей животных, поселения неандертальцев были ближе к оседлому, чем бродячему типу. По самым приблизительным подсчетам, широко расселившиеся по земле неандертальцы насчитывали уже сотни тысяч особей. Однако в указанный выше срок они были то ли вытеснены, то ли истреблены кроманьонцами, то ли смешались и растворились среди них³⁹.

3.2. Сложности теоретической модели охотниче-собирательского принципа производства и возможные их решения

Прежде чем перейти к изложению теории, выскажу несколько принципиальных соображений, которые кажутся мне вполне очевидными. Первое. Длительное время люди могли существовать только в условиях достаточной щед-

³⁹ Недавно проведенные немецкими и американскими генетиками исследования структуры ДНК неандертальца (особь, жившая 30 тыс. лет назад) как будто не подтверждают генетического родства между неандертальцами и кроманьонцами (о чём давно говорили некоторые антропологии). Но судьба первых по-прежнему неясна.

ности природы. Даже большинство этнографически известных народов жило в условиях, когда не требовалось чрезмерных усилий, чтобы обеспечить себя пищей. Те же, что обитали в скудных районах, обладали культурой, которую в таких местах создать было невозможно, едва сохранить. Значит, ранее предки этих народов жили в более благоприятных местах. Но если десятки тысяч лет назад планета была почти необитаема, то кто бы стал селиться в таких скудных местах, если были более благоприятные? Речь не идет о райском климате, вроде некоторых островов в Тихом океане. В холодных зонах, конечно, жить было непросто. Но зато там водилось великое множество дичи и рыбы, которую к тому же можно было долго хранить.

Поэтому нельзя признать верной мысль, что первобытные люди были вечно голодны, заняты только поисками пищи, подавлены трудностью существования и постоянно кочевали:

Второе. Размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни и основные общественные отношения — словом, почти все исключительно зависело от окружающих природных условий. И важнейшей частью производительных сил в обществах являлись природные производительные силы⁴⁰. На базе разных географических условий начинает зарождаться и специализация. При этом из-за различий в доступности и изобилии ресурсов более высокоразвитые группы могли иметь меньше благ, чем низкоразвитые. Ведь индивидуальная охота может быть не столь продуктивной, как загонная, хотя уровень техники, сноровки и выучки у самостоятельных охотников был несравненно выше⁴¹. Сказанное только подчеркивает важность теоретического включения в состав производительных сил природных компонентов и подтверждает идею о том, что до определенного этапа появление техники и

---

⁴⁰ Стоит отметить, что социальная часть производительных сил еще не отделяется достаточно от самого человека, ибо важнейшая их часть — это тело, интеллект и органы чувств его самого, а также способы объединения этих человеческих сил.

⁴¹ Подобная ситуация, впрочем, характерна и для следующего принципа производства, поскольку пашенное земледелие на не столь плодородных почвах может быть менее продуктивно, чем даже ручное — на более плодородных.

особой технологии явилось одним из ответов на вызов относительной скудости природы.

Отсюда ясно, что со сменой привычных природных условий жизнь могла (и должна была) резко меняться: нужно было либо приспосабливаться на месте, либо искать районы с похожими на прежние условиями, либо переселяться в иные по характеристикам места. Это и было одним из важнейших факторов социальной эволюции первой формации. Поэтому можно сказать, что *главной движущей силой, специфической силой уже социального плана, являлось взаимодействие человека с природой, в результате чего люди расселились почти по всей планете.*

Смене природных условий, возросшему демографическому давлению, уменьшению изобилия люди могли противопоставить возрастающее умение полнее приспосабливаться к наличным природным условиям. И чем лучше они это делали и чем лучше специализировались, тем выше становился уровень их развития. Следовательно, при анализе охотниче-собирательского принципа производства на степень приспособления к природе (*владение ею*) необходимо обратить особое внимание и в целом с ним связывать этапы развития данного принципа производства.

Третье. Самой большой сложностью в изучении первобытности остается скудость сведений. Это вызывает к жизни массу гипотез, иногда очень остроумных, но однако не заменяющих точные знания. По археологическим данным частично восстановить характер производительных сил возможно, но без связи их с общественными отношениями многое непонятно. Кроме того, археологические находки фрагментарны и далеко не всегда толкуются однозначно.

Данные этнографии исключительно важны, но далеко не все из жизни таких народов можно переносить на древность: немало наблюдаемых племен либо уже столкнулись с более развитыми обществами, либо прежде знали лучшие времена, поэтому имеют остатки более высокой культуры. Наконец, и для теории исторического процесса это исключительно важно, — народы, находящиеся на подъёме, по движущимся силам развития, жизненной энергии, потенциям и реакциям на вызовы и многим другим вещам существенно отличаются от находящихся на нисходящих фазах, то есть когда уже реально существуют гораздо более

высокоразвитые общества. Тем более это касается этносов уже раритетных формаций, каковыми и являются в последние два-три века первобытные народы⁴².

В нашем случае важно, чтобы логика теории не нарушалась, но и в то же время не нарушалась бы фактическая сторона дела. Между тем скудость данных не позволяет говорить ни о какой хронологии в этапах охотничье-собирательского принципа производства. А это усложняет и вопрос о том, каким образом выделять такие этапы. Кроме того, о человечестве в этот период можно говорить только в абстрактном плане.

Можно предположить, что большинство коллективов, обретая социальность, при благоприятных природных условиях застревало на достигнутом, поскольку потребности в каком-либо прогрессе не было. Уже здесь намечалось основное противоречие первой формации, о котором дальше. Но, без сомнения, в течение долгих тысячелетий немало обществ двигалось дальше и расцветало, а затем по разным причинам происходили остановка в развитии, деградация или уничтожение. По-видимому, одно и то же открывали много раз в разных местах. Историческая память была очень слабой, уровень контактов тоже, достижения закреплялись медленно. И все же бесконечные эпизоды подъема и упадка, бесчисленные переселения, появления и смерти протоэтносов, приспособление тысяч первобытных орд и племен на протяжении десятков тысяч лет в конце концов привели к заселению огромных территорий и появлению первых очагов земледелия.

Таким образом, даже подобия линейного движения не было, также неизвестны и общества-первоходцы, а потому наметить генеральную линию существенно сложнее, чем для периодов, исторически известных, и она носит более гипотетический характер. Особенно туманно выглядят первые этапы человеческой истории.

В то же время, как уже сказано, производственные революции открывают новую формацию. Но для первой формации, естественно, невозможно говорить о производ-

⁴² Особенno, если мы вспомним, что прорыв в новое реализуется в местах складывания исключительных обстоятельств и условий. Естественно, что у народов маргинального типа, например, отесненных или запертых в скудных природных зонах, таких условий быть не может по определению.

ственной революции. Однако и ее начало связано с очень важными, по-своему революционными переменами.

Исходя из сказанного, и для того чтобы общая теория смены принципов производства и производственных революций не нарушалась, а также чтобы придать большую четкость характеристикам первого принципа производства, имело бы смысл говорить здесь о чем-то аналогичном производственной революции, ввести понятия аналога производственной революции. Аналога по своим результатам и функциональной роли каждого из ее периодов. «Смысл» его заключается в переходе от биосоциальных реакций в качестве приспособления к окружающей среде на чисто социальные.

Тогда можно завершение антропогенеза считать первым этапом аналога такой *революции*, в результате чего не только появился и утвердился как ведущий вид человека *разумного* (*Homo sapiens*), но и создались хотя и примитивные, но уже социальные производительные силы. Ведь в этот период сами физические, интеллектуальные и психические характеристики человека являлись наиболее новой и важной частью производительных сил. А значит, вполне логично считать такую революцию не только сапиентной, но и производственной. Сказанное хорошо увязывается и с предположениями некоторых первобытников о резком росте населения в период перехода от раннего к позднему палеолиту⁴³.

Перерыв между этапами аналога производственной революции возможно связать не только с освоением подходящих для жизни мест (заселением Сибири, Америки и других регионов), но и преодолением того, что можно назвать остаточным противоречием антропогенеза: между биологическими и социальными регуляторами жизнедеятельности. Процесс окончательной трансформации животных инстинктов и биологических форм регулирования в социальное регулирование и составлял основу его разрешения. С одной стороны, зоологический индивидуализм, слабость контроля за поведением отдельных особей и самоконтроля, с другой — биологические способы регулирования совместной жизни — должны быть сведены к ми-

⁴³ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общинны. М., 1986. С. 100.

нимально допустимым величинам. Те коллективы, которые не сумели это сделать, были обречены на исчезновение.

А период максимального похолодания во время последнего оледенения (Вюрг III), примерно 20—18 тыс. лет назад, можно будет соотнести со вторым этапом аналога такой революции. И хотя это было далеко не первое оледенение (последствия таких ледниковых испытывали и неандертальцы), но в этот раз реакция была чисто социальной (а не биолого-социальной) в виде увеличения технических, производственных и общественных способностей людей приспособливаться к природе, в том числе за счет специализации, расширения источников пищи, освоения новых территорий, усовершенствования орудий труда⁴⁴. Такой подход дает возможность хоть как-то привязаться к абсолютной хронологии в общечеловеческом масштабе⁴⁵. Но совершенно ясна вся примерность и условность датировок этих далеких эпох.

3.3. Охотниче-собирательский принцип производства: основные этапы, черты, варианты

Весь период первой (первобытной) формации в моем понимании в ее восходящей части составляет примерно 25—30 тысяч лет: от начала позднего (верхнего) палеолита, то есть появления человека разумного, до конца вюрмского оледенения и начала т. н. голоцен (примерно 10—12 тыс. лет назад), когда начинается переход к сельскому хозяйству. После этого общества присваивающего хозяйства еще существовали и развивались многие тысячи лет, но они уже были вне генеральной линии истории.

Итак, первые два этапа (переходный, в данном случае от антропогенеза, и молодости) охотниче-собирательского принципа производства можно соотнести с периодом до последнего ледникового (в Европе это ориньякская и

⁴⁴ В то же время из многих данных вытекает, что появление человека разумного не было реакцией на очередное похолодание, напротив, некоторые полагают, что он появился именно с наступлением потепления (см.: Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1977. С. 171—172).

⁴⁵ Кроме того, тогда первые этапы по величине будут намного длиннее, чем остальные, что хорошо увязывается со всей формационной концепцией и идеей ускорения исторического развития.

более ранние культуры), то есть до эпохи 20 тыс. лет назад⁴⁶. Что наиболее важного о них можно сказать?

Достаточно долго господствовала идея (и сегодня не полностью преодоленная), что древние люди, будучи не в состоянии прокормиться, постоянно кочевали, подобно некоторым, известным этнографам первобытным народам. Это неверная мысль. Почему? С одной стороны, этому противоречат многие факты. На некоторых стоянках археологи находят остатки костей тысяч убитых животных. Значит, здесь люди жили и большими коллективами⁴⁷. Это объяснялось не только тем, что добычи было много, но и тем, что часто для охоты требовались коллективные усилия (а также для защиты от хищников, постоянного поддержания огня и других вещей). Таким образом, постепенно вырабатывались формы воспроизводства и сохранения таких коллективов, включая весь арсенал известных примитивных, но достаточно эффективных социальных регуляторов.

С другой стороны, если вдуматься, то могли ли язык, общественное сознание (включая религиозные представления), социальные нормы и многое другое появиться, если бы люди не жили какое-то достаточно длительное время относительно стабильно и кучно (пусть с сезонными перекочевками и экспедициями отдельных партий), а постоянно кочевали бы малыми группами? Сомнительно.

Выработка этого социального и являлось главным на первых этапах первобытности. А некоторый излишек пищи создавал условия для роста культуры и социальности. Свидетельство тому — великолепные и очень древние пещерные рисунки. Успешная загонная охота могла давать периодами изобилие в стойбищах (это не исключает, конечно, и голодовок, но удачи должны были быть более частыми). А вместе с изобилием (и оседлостью) наступают праздность, веселье, возможность кормить носителей знаний и верований, а также старых или больных, возможность рожать больше детей.

⁴⁶ Точнее, до фазы его максимального похолодания, хотя существенные изменения климата начались на 3—5 тыс. лет раньше.

⁴⁷ Например, как подсчитали археологи, в Пржедмосте в Словакии обнаружены кости около 1000 мамонтов, а на Украине, в Амвросиевке, — не менее 1000 бизонов, в Солютре — около 10 000 лошадей (Всемирная история: В 24 т. Т. 1. Каменный век. Минск, 1996. С. 76).

Третий (расцвета) этап принципа производства, как сказано, можно связать с периодом последнего ледникового и максимального похолодания (в Европе это культура солюtre и дальнейшие). В течение этого и следующего четвертого (зрелости) периода принципа производства степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает.

Пятый этап (высокой зрелости) удобнее связать с концом оледенения и началом послеледникового периода, когда происходит переход к индивидуальной охоте и заселению огромных территорий. Разумеется, у каждого региона и общества могли быть свои особенности. В северных районах развивались прежние и сравнительно новые направления (в том числе рыболовство и охота на морского зверя). В иных местах расцветало интенсивное собирательство.

Из сказанного читатель легко поймет, что известные с нового времени этнографические народы охотников, рыболовов и собирателей я отношу по этой периодизации не ниже, чем к пятому — высокой зрелости — этапу⁴⁸. Эта мысль подтверждается и выводами ученых-первобытников: «Как известно, даже наиболее примитивные культуры из числа изучавшихся этнографами находятся на уровне не ниже мезолита»⁴⁹.

Далее от интенсивного хозяйства некоторые общества шли к шестому (подготовительному) этапу, откуда открывался путь к новому аграрно-ремесленному принципу производства.

На первых этапах орудия труда еще очень несовершенны. Но их количество и техника обработки уже существенно отличаются от орудий неандертальцев⁵⁰. Но, мне

⁴⁸ Это касается и маргинальных этносов, попавших в суровые природные условия, но относительно них нужны специальные оговорки, в этой главе невозможные.

⁴⁹ Файнберг Л. А. У истоков социогенеза (от стада обезьян к общине древних людей). М.: Наука, 1980. С. 7.

⁵⁰ Например, Борисковский говорит, что типов орудий было более ста (Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1980. С. 180).

Правда, не всегда точно ясны различия. Так, одни ученые (Чайлд, в частности) говорят, что копье, т. е. палка с каменным или костяным наконечником, — достижение именно верхнего палеолита. А иные считают, что копья были и в мустье.

думается, что главное — изменения в производительных силах не в технике даже, а в самом человеке, который был важнейшей частью этих сил и уже коренным образом отличался от предков по интеллекту, уровню организации и способности к совместным действиям.

Очередное изменение климата явилось серьезным испытанием. Однако к этому времени люди уже имели определенный уровень развития производительных сил и социальности, чтобы часть коллективов смогла не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции и способности запасать пищу на достаточно длительный период. Прогресс был не только у охотников. Появлялись также интенсивные собиратели⁵¹, возникло или приобрело важное значение рыболовство речной и озерной рыбы (позже охота на морского зверя). Известны также собиратели моллюсков и раковин. Вообще с освоением разных природных ниш усиливается специализация.

Изменение природных условий потребовало специализации орудий труда, что привело к более полному освоению природных ресурсов, дало мощный толчок развитию производительных сил. Изобретаются и совершенно новые орудия труда: лодки, гарпуны, остроги и т. д. Некоторые ученые настолько высоко оценивают степень такой приспособленности, что говорят о первом антропогенном кризисе, связанном с уничтожением мамонтов.

Но непостоянство природы в конечном счете разрушает эти общества. В результате потепления и очередного изменения климатов и ландшафтов в мезолите крупной дичи стало меньше⁵², и «большие общины... которые поддерживали свое существование коллективной охотой и

---

⁵¹ Примерно 17 тыс. лет назад на равнине Ком-Омбо южнее Ассуана жили люди, которые жали колосья диких злаков и собирали столько зерна, что большая часть их пищевого рациона могла им одним покрыться. Найдены каменные серпы, зернотерки, камнетерки (см.: Придо Т. Кроманьонский человек. М., 1979. С. 45).

⁵² «Почти повсеместно в мезолите большое распространение получает охота на птицу, что можно объяснить сокращением числа крупных животных и усовершенствованием оружия, применением лука и стрел с тупыми наконечниками; метательных палок, изогнутых палиц» (Марков Г. Е. История хозяйства и первобытной культуры в первобытнообщинном и раннеклассовом обществе. М., 1979. С. 51).

рыболовством, были вынуждены расколоться и научиться каким-то новым техническим приемам»⁵³.

Поэтому стадию высокой зрелости для формации в целом следует связывать с появлением технических и технологических возможностей для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей. В некоторых случаях это можно связывать с появлением лука и стрел, в других — духовой трубы с отравленными стрелами, в третьих — было достаточно копье-металки⁵⁴, в-четвертых — имелись особые метательные снаряды и т. д. Способы охоты все совершенствуются. Ю. Липс в своей книге «Происхождение вещей» говорит, что первобытные народы изобрели сотни ловушек для зверей. Некоторые из них поразительно остроумны, хитры, другие даже можно назвать первыми машинами или автоматами, так как они срабатывали от легкого прикосновения, но могли убить медведя, а то и слона.

Все это позволило людям заселить места, где прежде прокормиться или жить большими коллективами было сложно. Гибкая общественная организация позволяла коллективу распадаться на мелкие группы или семьи, чтобы в определенные периоды или для определенных действий сходиться вновь. Уменьшение величины хозяйственных единиц и переход на мелкую и среднюю дичь привели и к изменению многих правил раздела продукции, поскольку теперь роль индивидуального охотника должна была учитываться сильнее.

Однако в северных и некоторых других районах сохранилась возможность жить более или менее оседло, с сезонными перекочевками. При этом, если климат был подходящим, способы сохранения пищи были весьма разнообразны: копчение, вяление, заморозка, квашение, даже засолка, иногда и консервация.

Несомненны и большие успехи в других участках производства: в построении и освещении жилищ, создании одежды, хранилищ, транспорте (плоты, лодки, лыжи, сани-волокуши), количестве используемых материалов,

⁵³ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 40.

⁵⁴ «Современные эксперименты показали огромное преимущество копьеметалки. Брошенное рукой двухметровое копье пролетает не более 30—70 м, а копьеметалка посыпает его на 150 м с такой силой, что оно убивает оленя в 30 м» (Придо Т. Ук. соч. С. 69).

производственном сознании (этнографические народы часто удивляли европейцев способностью использовать сотни растений). Научились добывать огонь, кое-где приручили собаку. Распространялось применение растительных ядов, в том числе и для рыбной ловли. В некоторых случаях появлялись и интенсивные способы рыболовства и поддержки поголовья рыбы, так что общества могли существовать на этой базе тысячи лет⁵⁵. В связи с миграциями усиливались контакты и, следовательно, быстрее распространялись достижения.

3.4. Основное противоречие. Высшие этапы принципа производства

Основное противоречие, как уже сказано, — это категория, которая конструирует те несоответствия внутри формации между принципом производства и типом отчуждения, которые сначала являются источником поддержания информационной системы, а затем — источником ее кризиса и трансформации.

Вопреки распространенному мнению о том, что древние люди вечно страдали от голода (и холода), полевые исследования показали, что даже не в самых изобильных местах первобытные охотники и собиратели обеспечивали себя пищей в относительно короткое время. Это не означает, конечно, вечной праздности, но означает, что они настолько приспособились к окружающей их природе, что

---

⁵⁵ Г. Н. Матюшин рассказывает, что на некоторых уральских озерах найдены поселения первобытных рыбаков. Часто на выбранном озере люди жили тысячелетиями, а на некоторых из них (Карабалыкты и др.) жили беспрерывно удивительно долго — около 10 тысяч лет. И все это время главным их занятием было рыболовство сетями с грузилами. Самое удивительное, как удавалось сохранить продуктивность водоемов. Ведь вокруг поселений должны были скапливаться кучи разлагающихся отбросов, развивались всевозможные процессы гниения. И эти отходы так или иначе должны были попадать в озера и вызывать заморы, то есть массовую гибель рыбы, особенно в зимнее время. Каким-то не очень ясным образом древним рыбакам удалось создать систему охраны и разведения рыб. Ведь чтобы «питаться за счет рыбы тысячелетиями на одном и том же озере, нужно было не только хорошо знать условия жизни и размножения рыб, но и вести сложное рыбное хозяйство. Эффективность ведения такого хозяйства убедительно подтверждается многочисленными археологическими находками» (Матюшин Г. Н. У колыбели истории. М., 1972. С. 180—182).

могли в среднем трудиться не более нескольких часов в сутки⁵⁶. При этом, если добытого хватало на последующие дни, то никто и не спешил продолжать трудовую деятельность.

Обязательно стоит отметить, что трудовая нагрузка часто распределялась очень неравномерно. Иногда требовались большие усилия в течение нескольких дней или даже недель (особенно при сезонных миграциях животных или рыбы, сборе дикорастущего урожая и т. п.). А затем могли быть недели и даже месяцы безделья. Нагрузка женщин обычно была более равномерной.

По имени этнографа М. Салинза, привлекшего внимание к ситуации, при которой первобытные народы могут создавать излишек продукции (пищи и вещей), но не делают и не хотят этого делать, это назвали парадоксом Салинза⁵⁷. Однако это не парадокс, а скорее основополагающее условие жизни в этой формации, которому не противоречат временные голодовки и неудачи. И чем более благоприятна природа, тем меньше у людей потребности работать. Сегодня такой взгляд стал весьма распространенным⁵⁸. Сам Салинз называл такие социумы обществами изобилия.

Разумеется, современные первобытные народы могли иметь более высокую степень приспособленности, чем доисторические. Но, думается, что такая экстраполяция вполне оправданна, поскольку наблюдения в самых разных условиях в целом подтверждают сказанное. Археологические раскопки также говорят о достаточно продуктивных занятиях и аналогичных описанным этнографами приспособлениях.

Таким образом, основное противоречие первой формации можно сформулировать так: производитель имеет возможность, но не хочет и не считает нужным производить

⁵⁶ Многие охотники-собиратели в среднем 2—5 часов в день (см.: The Origins of Agriculture. Р. 179).

⁵⁷ В 50—60-е годы было собрано много фактов об этом разными этнографами (см. об этом: The Origins of Agriculture. Р. 179).

⁵⁸ «Хотя и может показаться странным, но человек, ведущий первобытный образ жизни, располагает значительным досугом», — пишет один автор (Иди М. Недостающее звено. М., 1977. С. 29). «Человечество проделало путь от охоты и собирательства, когда все имели время для праздности...» — вторит ему другой (Геллер Э. Нации и национализм. С. 241).

больше, чем этого требуют обычая потребность и общепринятые нормы. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.

Конечно, амплитуда различий в этом плане у разных племен была очень большой. Но в целом можно суммировать некоторые причины, по которым первобытные люди считали накопление бессмыслицей.

1. Многие не умели по-настоящему и надолго запасать пищу, тем более что во влажном климате все гниет, портится, уничтожается насекомыми и т. п. К тому же, если отсутствовала сезонность, то и запасать много не было резона, свежее мясо всегда предпочут «консервам». Даже на севере мясо не хранится слишком долго. Да в этом обычно и нет нужды, запасы нужны лишь до нового заготовительного сезона⁵⁹.

2. Во-вторых, при перекочевках лишний груз был в тягость, тем более если учесть, что женщины должны были нести детей.

3. Внутренняя потребность отсутствовала, а обмен с другими был редок и слаб.

4. Общество не одобряло жадность и стяжательство, напротив, поощряло щедрость, а обычаи требовали делиться.

Итак, слабость возможностей для хранения, транспортировки и обмена ставила жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения жестко ориентировали их на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

Описанный принцип производства и основное противоречие соответствовали доэкономическому типу отчуждения. Общества были в основе своей эгалитарными, с равнительным уклоном, но с половозрастным неравенством. При этом социально труд не был заметно отделен от отдыха⁶⁰. Речь идет именно о социальном, а не психологи-

⁵⁹ Тут кстати отметить, что по чисто природным причинам собирали в этом плане оказались в гораздо более выгодном положении, поскольку зерно, злаки, орехи и прочее могут храниться гораздо дольше, чем мясо, хотя их надо уметь прятать от грызунов.

⁶⁰ Поэтому употребляемые для данного принципа производства выражения «труд», «трудиться», «трудовая деятельность» достаточно условны.

ческом аспекте. С одной стороны, труд еще не стал уделом социально слабых и презираемых и был достаточно почетен, с другой — праздность, когда для нее были условия, не воспринималась как порок.

Теперь посмотрим, как развивались принцип производства и основное противоречие на более поздних этапах.

В четвертом (зрелости) этапе многие качественные достижения распространяются на основные области хозяйства. Это ведет к росту производства, населения и излишка продукции. На дальнейших этапах экстенсивный тип хозяйствования сменяется интенсивным. Поскольку народы—собиратели урожая ретроспективно представляли собой более прогрессивную ветвь развития, рассмотрим такую эволюцию на их примере.

Использовались самые разные растения: водяной рис, дикие злаки, саговая пальма, тропические плоды и корнеплоды, даже желуди. Разумеется, охота и другие виды деятельности сохранялись. Важно отметить, что эти народы изобрели много орудий труда и приемов, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зернотерки, печи и выпечку теста, емкости для хранения зерна и муки, приемы ирригации и агрономии и др. Такое собирательство может быть очень продуктивным⁶¹.

Следовательно, на пятом (высокой зрелости) и особенно шестом (подготовительном) этапах появлялся заметный излишек благ, который можно было запасать. Излишек так или иначе приводил к появлению престижных благ, таких, которые удобны в хранении и отчуждении и есть предмет зависти, жизненных устремлений, высокого престижа. Такими были: шкуры, бивни, красивое оружие и одежда, лодки, сети, особые камни, раковины, кости и т. п. Новые виды продуктов требовали и особых форм их производства, хранения, распределения, которые иногда пытались подогнать под привычные «стандарты», иногда,

---

⁶¹ «Сейчас выяснено, что в Галилее в дождливый сезон дикий эммер и ячмень дают урожай 500—800 кг с га. В Турции, пользуясь орудиями древних форм, исследователи за 1 час собирали до 1 кг зерна. Они подсчитали, что семья из четырех человек за три недели такой работы могла собрать тонну зерна». (Примечания к книге Мелларта Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. Составил Е. В. Антонов. С. 129.)

напротив, выводили из-под них. И в любом случае это означало усиление противоречия между новыми условиями и старыми отношениями и правилами.

На этих стадиях усиливается разделение труда в обществе, начинают зарождаться частная собственность, имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках руководителей и удачливых людей. Изобильные места повышают плотность населения, в результате усиливаются престижный обмен и торговля, а также и войны за обладание этими территориями⁶². А как известно, война способна быстро аккумулировать богатства, открывать путь к развитию неравенства и рабства.

Народы—собиратели урожая кое в чем начинают помогать растениям⁶³. Такие приемы известны даже охотникам. Например, некоторые австралийцы при переселении брали на новые места родные растения⁶⁴. Очень интересным примером переходного от собирательского к аграрному было хозяйство в долине Оуэнса (в горах Сьерра-Невада), где индейцы строили дамбы, чтобы орошать дикорастущие злаки и другие растения⁶⁵. В целом важно отметить, что элементы ухода, полива и даже культивации растений имелись у собирателей и охотников самых разных частей мира, а не только там, где перешли к земледелию.

Таким образом, **шестой** этап принципа производства называется подготовительным, потому что здесь уже очень много элементов будущего принципа производства. Только не хватает того, вокруг чего все это завязывается в систему и — при благоприятных возможностях — перерастет в самое примитивное сельское хозяйство. Но это все еще

---

⁶² Еще в XVIII веке один поселенец записал в своем дневнике: «...Старые индейцы рассказывали... о том, что между сиу и чиппеваями происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими рисовыми полями» (Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954. С. 105—106).

⁶³ Так, некоторые племена использовали только дикое саго, другие непреднамеренно прореживают его, что благоприятно, третья иногда сажают отростки саго (см.: Шнирельман В. А. Собиратели саго // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 183).

⁶⁴ См. об этом: Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 365.

⁶⁵ Там же. С. 296.

очень зыбко, неустойчиво, не играет решающей роли и, если отпадет необходимость, исчезнет⁶⁶.

На этапе зрелости противоречие еще не противоположность системы, а скорее его часть. Общество находит эффективные пути институционализации противоречий. Особенно важно отметить рост престижа удачливых охотников и добытчиков. Условно можно сказать, что в данной формации блага, которые производитель отдает гостям, родственникам, соплеменникам, как бы обмениваются на престиж, который приобретают наиболее удачливые добытчики, и соответственно более высокий статус. Это достаточноично обычно и для более поздних (и современной) эпох, когда дарения, пожертвования, благотворительность дают жертвователям престиж и известность. Но в первой формации не было иных форм накопления, поэтому данный приобретал большую значимость, которая постоянно росла.

Пока основное противоречие еще не кризисно, главное в нем, как было сказано, его **технический** аспект, то есть действие его в первую очередь связано с ограничениями самих производительных сил. В частности с неумением запасать, создавать богатство в виде престижных благ, отсутствием обмена и т. п. Достаточно характерна и огромная расточительность (в основном преодолеваемая на более поздних этапах): поджоги саванны, буша, лесов; несоблюдение «правил» охраны природы, что приводило к гибели животных, рыбы, дикорастущих растений и т. д.

Однако по мере того как новации ширятся на пятом—шестом этапах, это техническое препятствие в значительной мере снимается, и общество получает в свои руки техническую возможность запасать, обмениваться и прочее. Теперь можно производить гораздо больше, чем раньше.

Но сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производительные силы, отношения являются препятствием, скажем, имущественному неравенству, праву наследования, отказу от помощи и т. п.

---

⁶⁶ Шнирельман рассказывает о группах индейцев северного побережья Калифорнийского залива, у которых земледелие носило крайне примитивный и подсобный характер. Если они узнавали о большом урожае диких растений, то бросали свой и уходили к диким растениям (см.: Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.). С. 295—296.

результате основное противоречие, разрешаясь в каких-то частностих, усиливает общее несоответствие производственных и общественных отношений⁶⁷. И чем больше создается прибавочного продукта, престижных благ, тем заметнее этот процесс нарастает.

Если плотность и количество населения растут, контакты увеличиваются, развиваются дарообмены и обмен, то начинается выделение более авторитетных и богатых людей. Теперь уже полученный статус тем или иным образом позволял изменять пути распределения. Но возможности для этого все еще оставались ограниченными, а пути — непрямыми и запутанными, поскольку отношения, традиции и общественная мораль всячески сдерживают развитие личного богатства, возможности передавать его потомкам и пр.

Но поскольку общество уже не то, часть членов коллектива пытается всеми правдами и неправдами изменить прежний порядок. Сделать это удается, часто только сохраняя видимость преемственности, «вспоминая» о каких-то якобы древних обычаях, симуляцией исполнения правил, перетолковыванием их и т. п. В результате жизнь представляет теперь конгломерат прежних и псевдопрежних обычаяев, новаций и все более частого нарушения представлений о должном, обильно сдобренном усиливающимся недовольством почти всех по самым разным основаниям.

У обществ, перешедших в шестой подготовительный этап, имеются различные пути для дальнейшего развития. В аспекте генеральной линии можно говорить о двух: перспективных и неперспективных. Первый связан с переходом к примитивному сельскому хозяйству. Второй — с перерастанием нормального уровня охотниче-собирательского принципа производства благодаря особой щедрости природы, частичному разрешению противоречия и иным достижениям. Общества перерастают шестой, выс-

⁶⁷ Для иллюстрации можно привести пример индейцев Северной Америки. Пока у них не было выручных животных, их имущество было небольшим. С момента разведения лошадей их грузы сильно увеличились. И те, у кого лошадей было мало, а значит и мало имущества (бизоньих шкур и другого), теряли в престиже. В то же время правила охоты, взаимоотношения родственников, условия жизни и прочее еще сохраняли прежнюю коллективистскую направленность.

ший для генеральной линии этап и вступают в седьмой (переходя далее в восьмой) этап старого принципа производства.

Такие социумы-переростки весьма похожи на общества ранних фаз следующего принципа производства. Но это дорога в тупик. И с точки зрения исторического процесса, они становятся в конце концов маргинальными. Об этом мы еще поговорим в следующем параграфе.

Таким образом, на ранних стадиях новой формации обе формации как бы сосуществуют в одних и тех же зонах. Одна уже идет по нисходящей линии, а другая по восходящей. Решаются одни и те же проблемы, но решаются принципиально по-разному.

§ 4. Аграрная революция

4.1. Пути преодоления основного противоречия охотниче-собирательского принципа производства

Итак, расслоению социума, социальному неравенству и свободному накоплению богатства как способам разрешения основного противоречия жестко препятствовали обычаи, традиции и нежелание перемен со стороны большинства. Только часть коллективов сумела справиться с этой проблемой. При этом генеральная линия преодоления основного противоречия лежала через переход к новому принципу производства. Но иногда разрешение этого противоречия оказывалось возможным и на базе присваивающего хозяйства.

Возьмем некоторые племена Северо-Западной Америки, допустим тлинкитов. Они охотились на морского зверя и ловили лососевых, шедших в местные реки на нерест. У них существовало различие между богатыми и бедными, было много рабов (по некоторым данным, до 30% от всей численности жителей). Владелец раба мог убить или продать его. Часть добычи отдавалась вождю. Последний обладал большой властью и мог передавать ее по наследству. Нередки были войны, в т. ч. и за рабов. У этих индейцев получили развитие ремесло (плетение, ткачество, резьба по дереву и кости, холодная обработка меди), торговля и даже имелись деньги в виде пластин меди. «Покрытые рельефной резьбой тотемные столбы высотой 15–20 метров» стояли у домов и на могилах выдающихся вождей⁶⁸. Таким образом, перед нами уже не первобытное, а скорее варварское общество. Оно даже, думается, во многом опережало в развитии некоторых примитивных земледельцев⁶⁹.

Имея в виду именно такие ситуации, Э. Геллер пишет: «Если верить Джеймсу Вудберну, важнейшее структурное изменение происходит уже внутри некоторых категорий обществ охотников и собирателей» и предше-

⁶⁸ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты) // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 335.

⁶⁹ Впрочем, следует учитывать, что там, где земледелие было заимствовано, исходный уровень развития мог быть намного ниже, чем в обществах, самостоятельно перешедших к нему.

ствует переходу к производящей экономике. Поэтому «в целом определение типа обществ по имеющейся экономической базе не оправдывает себя»⁷⁰. Иными словами, раз новые отношения могут возникнуть и на старом производственном базисе, то идея, что для перехода к новой формации нужны революционные изменения в производительных силах, «не оправдывает себя». И все же мысли К. Маркса, что народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие, остается неоспоримой.

Возможность за счет природных и иных условий перейти к более высоким общественным отношениям, чем это обычно свойственно данному принципу производства, вполне объяснимое явление. *Ведь объем, характер и удобство хранения прибавочного продукта в огромной степени определяют уровень развития общества*⁷¹. И раз такой излишек возможен в рамках старых технологий, то он будет объективно толкать общество к частичному преодолению противоречия. Но это в конечном счете путь в тупик. Почему?

Дело в том, что переход к новому принципу производства не просто создает больше продукции. Он меняет всю хозяйственную жизнь и ведет к огромному росту населения, что, в свою очередь, трансформирует многие отношения⁷². Главное же, во всемирно-историческом плане переход к нему означает создание не просто новой, но такой системы хозяйствования, которая имеет большие потенции в будущем и способна быть предметом широкого распространения и заимствования.

Преодоление же основного противоречия на базе осо-

⁷⁰ Геллнер Э. Ук. соч. С. 240, 241.

⁷¹ «В самом деле, для общественной эволюции особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников и собирателей нередко сильно напоминала соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» (Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 400).

⁷² А тех же тлинкитов было в начале XIX века всего меньше 6 тыс. человек (Аверкиева Ю. П. Ук. соч. С. 320).

бых природных условий не имеет таких потенций. Ведь исключительные условия потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть, и главное — не способны быть предметом заимствования и распространения для других. Но такие варианты играют важную эволюционную роль. Ибо прежде чем произойдет переход к новому принципу производства, должен появиться целый спектр различных ответов на эту задачу, а уже среди них, возможно, родится наиболее перспективный. Мы и сосредоточимся на нем.

4.2. Аграрная революция: основные характеристики

Аграрная революция заняла тысячелетие, но, несмотря на такой медленный, с сегодняшней точки зрения, темп, она резко ускорила ход истории. Сначала мы определим сущность этого явления, а потом ее причины и этапы.

Предварительно хотел бы оговориться. Доместикация животных — такая же неотъемлемая часть аграрной революции, как и одомашнивание растений. Но с точки зрения генеральной линии исторического развития, растениеводство выглядит более важным, чем животноводство. Конечно, зрелые формы аграрно-ремесленного принципа производства немыслимы без последнего. Но по крайней мере некоторые варианты аграрной революции могли иметь место на базе исключительно (или главным образом) растениеводства. Цивилизации Латинской Америки являются здесь ярким примером.

В отличие от земледелия животноводство долго не могло быть главной отраслью⁷³, а когда стало такой в некоторых регионах, способно было прокормить во много раз меньшее население, чем земледелие. И на его базе не могли возникнуть ни государственность (если не было контактов с более развитыми соседями), ни тем более цивилизация. Поэтому животноводство можно считать в рамках генеральной линии дополнительной отраслью, по

⁷³ Появление первых полукочевников в Передней Азии имело место не раньше V—IV тысячелетия до н. э. (История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 39), то есть такое еще не полностью специализированное хозяйство выделилось лишь через три тысячи лет после появления сельского хозяйства, и лишь много позже сложилось хозяйство классических кочевников.

крайней мере очень длительное время. Следовательно, достаточно правомерно определять границы этапов производственной революции по развитию наиболее важных направлений земледелия.

Дать однозначное определение аграрной революции весьма затруднительно. В самом широком плане, это революция, которая ограничивает власть природы над человеческим обществом. В ее ходе «человек впервые подчинил непосредственные природные процессы своему контролирующему воздействию. Там он использовал главным образом биологические процессы почти в том виде, как они существовали в природе»⁷⁴. Преодоление ограничений природы наблюдалось и в области транспорта, связи, коммуникаций. Но роль природного фактора все еще оставалась огромной. Поэтому можно вполне согласиться с Томасом Боклем, что из всех последствий, происходящих для какого-нибудь народа от климата, пищи и почвы, самое первое и во многих отношениях самое важное есть накопление богатства. Другими словами, при данном принципе производства богатство общества, количество населения и объем прибавочного продукта в огромной, часто даже определяющей степени зависели от щедрости природы.

По распространенному мнению, эта революция есть переход от присвоения пищи к ее производству. И это совершенно верно. Но стоит уточнить, она связана не просто с созданием пищи, но и с возможностью запасать ее в больших объемах, в том числе и в виде домашнего скота, а также с созданием огромного числа удобных к запасу и практически бесконечно долгому хранению благ, олицетворявших богатство. Важной чертой ее, как уже сказано, было открытие новых источников энергии (силы животных и другой), материалов, средств производства⁷⁵.

Она не только привела к созданию производящего хозяйства, но и открыла новые движущие силы развития в

---

⁷⁴ Материалистическая диалектика: В 5 т. Т. 4. М., 1984. С. 313.

⁷⁵ «Подлинный экономический секрет земледельческой революции заключается в том, что земледелие — и в этом его всемирно историческое значение — дало в руки человека новое, могущественное средство производства — землю» (Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 275).

виде разделения труда⁷⁶. И в ее ходе и после нее процесс разделения труда стал спутником общества, пока ручной труд не дошел до своего предельного разделения в мануфактурах.

Первый этап этой революции привел к победе нового (но еще незрелого) принципа производства. Второй — к утверждению интенсивного хозяйства. Уже первый этап способствовал выделению ремесла и торговли, со второго они стали самостоятельными областями производства. И по мере зрелости принципа производства роль ремесла, торговли и кредита становится все более важной.

Магистральными путями перехода к интенсивному земледелию были сначала ирригационное, а потом плужное неполивное хозяйство. Однако варианты могли быть различными. В некоторых местах они были связаны с выведением высокоурожайных сортов (например у майя), в других велось комбинированное хозяйство: частично селекция, частично ирригация (или пашня), как в некоторых районах Индии. Одним из вариантов мог быть переход от выращивания клубневых к зерновому хозяйству. В некоторых случаях могло быть и три этапа: овощи — зерновое неполивное — зерновое поливное⁷⁷. А в случае чистого заимствования мог быть и один этап.

Интенсивное земледелие связано в первую очередь с зерновыми. Исследователи давно обратили внимание, что все цивилизации так или иначе связаны именно с зерновыми культурами⁷⁸. Многие общества были не способны дойти до второй фазы сельскохозяйственной революции как раз из-за того, что начали разводить «тупиковые» культуры (то же касается и специализации животноводства). Ведь иные сельскохозяйственные народы, по сути, занимались огородничеством, разводя тыквы, горох, огурцы, капусту, бобы и т. п. Это касается и клубне- и корнепло-

⁷⁶ Внутри сельского хозяйства между растениеводством и животноводством, а также внутри каждого из них; между сельским хозяйством и ремеслом, между ними и торговлей; внутри ремесла и торговли; между производственной и социальной деятельностью (по управлению, военная, интеллектуальная и прочая) и т. д.

⁷⁷ В этом случае средний этап таких изменений в отдельных обществах можно соотносить с перерывом между двумя этапами аграрной революции в мировом масштабе.

⁷⁸ См., например: The Origins of Agriculture. P. 879.

дов, например таро и ямса. Клубни не только менее калорийны, но и хуже сохраняются, а объем имеют намного больший, чем зерно. Иное дело, скажем, кукуруза или рис⁷⁹. Огромное значение имели также пшеница, рожь, овес. Конечно, в копилку человечества вошли все культуры и животные, но «локомотивными» оказались лишь некоторые.

Рассмотрим теперь некоторые причины перехода к сельскому хозяйству. Как уже сказано, этнографии известно много примеров, когда охотниче-собирательские народы старались помогать природе в выращивании растений, в т. ч. окультуривая и поливая почву.

Очевидно, что если люди осознают благотворность новинок, то при соответствующих условиях раньше или позже неизбежен качественный рывок. Это, так сказать, общие эволюционные предпосылки. Что же касается конкретных условий самых первых (или независимых) переходов от присваивающего к производящему хозяйству, то о них можно строить только предположения.

Земледелие, похоже, впервые возникает у каких-то народов — собирателей урожая. Что же касается скотоводства, то тут меньше ясности. Есть предположения, что обе формы возникли почти одновременно у тех же народов. Но многие археологические данные говорят о более позднем по сравнению с земледелием рождении животноводства. И роль его была, как сказано, в целом меньшей⁸⁰.

Переход к приручению животных прослеживается

---

⁷⁹ «Маис — определенно чудесное растение. Он быстро формируется, и фактически его зерна бывают съедобны даже еще до того, как созрели. Урожай в сухой зоне колониальной Мексики составлял сам-семьдесят — сам-восемьдесят». Но были и гораздо более высокие урожаи. «В той же Мексике в жарких и умеренных районах удается даже получать два урожая — риего (с орошением) и темпораль (за счет осадков)» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3 т. Т 1. М., 1986. С. 177-178).

Рис — исключительная культура в том смысле, что земле не требуется отыхать, а следовательно, можно было постоянно и все более интенсивно использовать каждый клочок.

⁸⁰ «Скотоводство получило распространение в более узком регионе, чем земледелие, и на первых порах было тесно с ним связано. Для раннего скотоводства характерно содержание небольшого числа в основном мелких животных (коз, овец, свиней, морских свинок)... На первых порах уход за скотом сводился к минимуму, и скот находился в основном на вольном выпасе» (Шнирельман. Ук. соч. С. 396).

сложнее, чем к земледелию. Не сходятся исследователи и на объяснении мотивов сохранения животных. Последние могли быть разными, но важно, чтобы люди имели достаток в питании, позволяющий сохранять животных. У народов — собирателей урожая при наличии подходящих животных были для этого хорошие возможности. Так, собиратели саго откармливали им свиней⁸¹.

Шнирельман утверждает, что «повсюду процесс становления производящего хозяйства проходил в обстановке кризиса, который вызывал необходимость изыскания новых способов добычи пищи». При этом кризис мог возникать по самым разным причинам⁸².

В целом, весьма вероятно, что к переходу к сельскому хозяйству могли побудить какие-то переломные обстоятельства (природного или социального типа), например ухудшение климатической обстановки, создавшее кризисную ситуацию для прежней системы хозяйства⁸³. Не лишено оснований и утверждение Ч. Рида, что рост населения был одним из факторов, даже если не всегда это можно доказать, предшествующих первоначальному сельскому хозяйству⁸⁴. Демографическое давление для ранних периодов истории — вообще одна из важнейших движущих сил.

Однако не исключено, что переход мог происходить и на подъеме производства, например, если значительная часть урожая шла на обмен с другими обществами или в силу каких-то иных причин, побуждающих людей увеличивать (или сохранять при колебаниях) объемы производства. Это могло быть временным или эпизодическим явлением, важно, что сама технология искусственного выращивания растений была уже известна. Тут кстати напомнить об основном противоречии первой формации, еще очень сильном: общества могут, но не хотят производить больше, а также знают иные способы производства, но не применяют их или применяют от случая к случаю.

⁸¹ См.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 184. Шнирельман также считает, что белковое обеднение рациона земледельцев могло вести их к доместикации животных (Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 368—369).

⁸² Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 369—370.

⁸³ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 272.

⁸⁴ The Origins of Agriculture. Р. 890.

Такое предположение соотносится с очень верной мыслью Шнирельмана о том, что сложность перехода к производящему хозяйству заключалась не в выработке каких-то новых знаний и техники, а прежде всего в пере-стройке жизненного уклада⁸⁵.

Следовательно, в переходе к новому принципу производства самое главное — создание производственной системы, в которой эти новинки станут стержнем.

Поэтому даже первичный (или независимый) переход к сельскому хозяйству не означает обязательного самостоятельного открытия самих производственных новинок. Иными словами, мне кажется весьма правдоподобным, что земледелие и скотоводство скорее всего изобретаются в обществах-переростках как дополнительный и неважный в общем объеме сектор. В этих социумах в связи с изобилием есть возможность поиска, но в то же время нет возможности для перестройки, так как они уже проскочили нужный период. Зато общества менее продвинутые, но главные достоинства которых заключались в способности к заимствованиям и структурным перестройкам, могли перенять такие достижения и сделать их основой для своего развития.

Поэтому я думаю, что первые следы земледелия — это еще не начало аграрной революции, а только подготовка к ней в недрах старого принципа производства.

Такое разделение изобретения сельского хозяйства и перехода к нему важно не только для выяснения причин аграрной революции (ведь легче перейти к новому, используя уже готовые технологии, чем сразу и изобрести технологии, и перестроить систему хозяйства). Оно важно и для выяснения, с какого же момента надо определять ее начало.

Думается, нельзя считать таким началом момент, когда в присваивающем хозяйстве появились какие-то элементы производящего (эпизодическая культивация растений или полуприручение каких-то животных), которые либо не играют важной роли, либо призваны именно усовершенствовать старый тип (как санный транспорт с собаками на севере; культивация ядовитых растений рыбаками и т. п.). Такие нововведения способны интегрироваться в него и

---

⁸⁵ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 371.

существовать очень долго, не вызывая постоянных качественных перемен к новому⁸⁶. Например, прибрежные рыболовы могли выращивать некоторые технические растения для изготовления сетей, веревок, корзин, циновок и прочего, а также высокотоксичные растения для гашения рыбы⁸⁷.

Переход начинается, когда новое, появившись, ведет к постоянным переменам, все более сильным, пока эти нововведения не станут самостоятельным сектором.

Первичное возникновение наиболее важного, зернового хозяйства могло произойти только в определенных природных условиях. Многие сходятся на том, что такое растениеводство впервые зарождается в горных очагах, где был подходящий микроклимат и росло много растений⁸⁸, причем именно на таких горных участках, где существовала периферия ареалов диких сородичей культурных растений, поскольку именно на таких окраинах потребность в земледелии чувствовалась наиболее остро⁸⁹. В таких местах колебания климата заставляли людей не только заниматься сбором растений, но стремиться поддерживать их существование путем создания благоприятных условий⁹⁰.

Предполагают, что дикие злаки стали культивировать раньше всего на склонах Палестины. Но есть и предположения, что в Междуречье Тигра и Евфрата⁹¹. Во всяком случае, где-то на Ближнем Востоке.

---

⁸⁶ То же можно сказать и об отдельных машинах в древности и средневековье.

⁸⁷ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 122—123.

⁸⁸ Это происходит, вероятнее всего, «лишь в определенных зонах — горных засушливых районах с теплым субтропическим климатом, создавшим обилие природных микрорайонов на сравнительно узкой территории и обладавших богатейшей и разнообразной флорой, в т. ч. дикорастущими злаками» (Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 50—51).

⁸⁹ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 273.

⁹⁰ Мелларт. Ук. соч. С. 128.

⁹¹ Алексеев В. П. Становление человечества. С. 418.

4.3. Аграрная революция: основные этапы и варианты. Первые этапы аграрно-ремесленного принципа производства

Шнирельман (как и некоторые другие исследователи) выделяет три этапа становления производящего хозяйства (то есть первого этапа аграрной революции).

Этап А. Вызревание предпосылок для перехода к производящему хозяйству у охотников, рыболовов и собирателей.

Этап Б. Возникновение земледелия и скотоводства в качестве уклада в рамках присваивающего хозяйства.

Этап В. Победа земледельческо-скотоводческого образа жизни и завершение процесса становления производящего хозяйства⁹².

Такой подход вполне укладывается в описанный мной цикл производственной революции. Напомню, что я выделял в полной производственной революции три этапа (а с двумя дополнительными: пред- и послереволюционным — пять этапов). Если же вести речь лишь о начале такой революции, получается два основных и один дополнительный, то есть всего три: предреволюционный (подготовительный) — первый качественный этап — перерыв между качественными этапами (качественный этап). Это в основном совпадает с вышеприведенной периодизацией Шнирельмана.

Но поскольку мы сейчас говорим об отдельной производственной революции, то можно показать ее ход и этапы и более подробно. Хотя процесс складывания сельского хозяйства во многом неясен, спорен и непонятен, все же во всемирно-историческом масштабе он мог бы выглядеть так:

1. Сложение предпосылок для технического изобретения сельского хозяйства.
2. Начало доместикации растений и животных (техническое изобретение сельского хозяйства, не меняющее структуру производства изобретших его обществ).
3. Сложение предпосылок для перехода к производящему хозяйству.
4. Начало перехода.

---

⁹² Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 364—371.

5. Сельское хозяйство становится заметным укладом.
6. Сельское хозяйство становится наиболее динамичным (престижным) укладом и имеется уже в ряде обществ, но в валовом производстве еще не преобладает.
7. Победа сельского хозяйства и земледельческо-скотоводческого образа жизни в достаточно крупном регионе.

Из этих семи ступенек первые три принадлежат еще присваивающему принципу производства. Правда, некоторые из подобных обществ должны были уже перейти в седьмой его этап. Иногда полагают, что древнейшее земледелие появилось уже 14—13 тыс. лет назад. Но, если исходить из идеи, что первые следы земледелия это еще не начало аграрной революции, то ее начало надо относить к более позднему времени. Поэтому, вновь оговариваясь, что датировки весьма условны и спорны, можно считать, что период 15—12 тыс. лет назад охватывает первые три ступеньки.

Ступеньки 4—5 составляют собственно первый качественный этап аграрной революции, который можно датировать 12—9 тыс. лет назад (с неизбежными допусками). От первых археологически зарегистрированных обществ, «бессспорно содержащих материал, свидетельствующий о вполне оформленемся земледелии»⁹³, до периода, когда земледелие распространилось в Малую Азию и на Кавказ⁹⁴, то есть формирования Переднеазиатского региона земледелия. В этот же период укладываются и первые сведения об одомашнивании коз и овец (9—10 тыс. лет назад). Но они недостаточно убедительны. Бесспорными считаются сведения о периоде VI тыс. до н. э. (7—8 тыс. лет назад)⁹⁵.

Затем наступает перерыв между двумя качественными этапами, или период количественных изменений (ступеньки 6—7). Он включает в себя образование новых очагов земледелия и животноводства, распространение из Передней Азии сельскохозяйственной культуры в другие регионы (в частности в европейское Средиземноморье и в Северную Африку), обмен достижениями между и внутри очагов. Условно этот этап можно датировать 8—5 тыс. лет

⁹³ Алексеев В. П. Ук. соч. С. 413.

⁹⁴ Там же. С. 418.

⁹⁵ Там же. С. 436.

назад до формирования ирригационного хозяйства Древнего Египта (то есть вторая половина, конец VII — конец IV тыс. до н. э.). В этот период приручаются первые тягловые животные — быки, а в Новом Свете зарождается земледелие.

Хочу обратить внимание, что приспособление растений и животных к местным условиям часто не было легким делом. Многие растения или их сорта не сразу приживались в каких-то почвах, климате и т. д. Словом, такое приспособление всегда являлось новаторством и позволяло расширять видовую базу принципа производства.

В этот период складываются различные типы производящего хозяйства. «Определенные предпосылки для возникновения этих систем возникли еще в условиях усложненного собирательства: пожоги и сев зерен в оставшуюся золу вели к залежному земледелию, искусственный полив и обводнение участков открывали путь к ирригационному земледелию, а посадки растений в хорошо удобренную почву первобытных стоянок влекли в перспективе возникновение придомных огородов»⁹⁶. В некоторых местах посевы производились накануне дождей; более распространены были посадки во влажные почвы поблизости от водоемов. Иногда применялась необычно высокая для ранних стадий агротехника: смешанные посевы (например фасоль с маисом), одновременно выращивалось много растений, чтобы гарантировать урожай; сажали рассаду, а не зерна, проводили снегозадержание и т. п.

Системы, основанные на орошении, могли быть уже и не столь примитивными. Так, в южной части Аризоны (культура хохокам) обнаружены колодцы и каналы длиной пять и более км⁹⁷.

Очень часто складывались комплексные присваивающе-производящие хозяйства, в которых аграрный сектор был сезонным. В целом такие типы хозяйства обладали высокой степенью приспособленности и интенсивности. Например, индейцы, населявшие территорию штата Нью-

⁹⁶ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 387.

⁹⁷ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 287. Это подтверждает, что среди многочисленных вариантов перехода к новому принципу производства обнаруживаются и такие, которые являются как бы прообразом второго этапа революции. Но в условиях первого этапа они еще не имели каких-то решающих преимуществ.

Порк, к моменту прибытия европейцев жили так: «Расчищив землю методом подсечно-огневой системы, люди велись полуоседлыми поселениями, окружеными обширными огородами, соседствующими с мелкими речушками. Весной, после посадки зерновых культур, большая часть людей переселялась во временные стойбища, разбивавшиеся вдоль побережья или по обрывам рек. Там они проводили лето, занимаясь рыбной ловлей и сбором в огромных количествах моллюсков. Большую часть добычи они сушили и заготавливали впрок к зиме. В сентябре индейцы возвращались в свои селения для сбора урожая маиса, бобов, кабачков, тыквы, сопровождавшегося праздниками урожая. Осень же была периодом коллективной охоты, сбора диких плодов и орехов в окрестных лесах...»⁹⁸

Но были и гораздо более скромные по разнообразию используемых продуктов хозяйства. Так, в Северном Китае в течение нескольких тысячелетий весь рацион земледельцев составлял один-единственный злак, чумизу, важнейшим источником белковой пищи являлись свиньи и собаки. Но и такой скучный набор оказался достаточным для перехода к земледельческо-скотоводческому образу жизни⁹⁹.

В этот период активно идут вырубка лесов, расчистка пашни, освоение целины на базе уже сложившихся технологий и агротехнических навыков. Подсечное (подсечно-огневое) земледелие возникло далеко не сразу. Его роль в изменении образа жизни и природы очень велика. Но хотя технологически это уровень первого этапа аграрной революции, и такой способ широко применялся и в каменном веке, наибольшее распространение такой метод хозяйствования получил уже после образования очагов интенсивного ирригационного земледелия и развития металлургии, особенно железной. Ибо без топоров превратить миллионы га леса в сельскохозяйственные земли было немыслимо.

Уже медный топор (по экспериментальным данным С. А. Семенова) втрое сокращал затраты труда на рубке деревьев. Еще более продуктивным был железный. И появление металлических орудий было уже большей гаран-

⁹⁸ Североамериканские индейцы. С. 32.

⁹⁹ Шнирельман В. А. Ук. соч. С. 379.

тией против возврата к присваивающим формам в случае изменения природной среды. Человек был способен бороться с лесом¹⁰⁰.

Вторым этапом аграрной революции (и одновременно третьим этапом принципа производства) стал переход к орошающему (иrrигационному) земледелию. Как сказано и в первом этапе, использовали воду ручьев, прудов. Но лишь много позже научились регулировать разливы больших рек и рыть каналы, запасать воду на засушливый период. При плодородных почвах результаты были поразительными.

Теоретически важно отметить, что в районах больших рек или благоприятных условий (мягких почв) для перехода к поливному земледелию, которое и было основой для появления государств и цивилизаций, особой техники и металлов в целом не требовалось. Мало того, иногда техника была совершенно примитивной.

«...Инки пользовались простой заостренной палкой с опорой для ноги, чтобы рыхлить землю под посевы. Но они же построили целую систему насыпных террас-полей, снабдили свои земли искусственным орошением, для чего проложили каналы иной раз в десятки и даже более ста километров длиной. Отдельные участки этих каналов и многие насыпные террасы действуют и поныне. Инки поняли значение удобрения, необходимость использовать его постоянно. Птичий помет — знаменитое и сегодня гуано — стал эффективным средством повышения урожая, а в бесплодных песках Тихоокеанского побережья индейцы придумали способ посева кукурузы, позволявший собирать там обильный урожай»¹⁰¹.

Таким образом, в благоприятных природных условиях решающим фактором совершения второго этапа аграрной революции выступала не техника, а иrrигация, селекция,

¹⁰⁰ Индийский автор пишет: «Мощная аграрная экспансия в изобиющую дождями аллювиальную зону среднего Ганга невозможна без расчистки джунглей. Конечно, для этого практиковалось их выжигание, однако, чтобы сделать землю пригодной для обработки и строительства поселений, необходимо было выкорчевывать пни, причем деревья в этом ареале дают в земле горизонтальные корни. Просто немыслимо представить, чтобы все это можно было делать без железного топора и железной мотыги» (Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 363).

¹⁰¹ Кузьмищев В. Царство сынов солнца. М., 1985. С. 126.

агрономические приемы, использование государственной власти для организации работ и т. п., которые позволяли внести в оборот плодородные земли либо решительно повысить их урожайность¹⁰².

Однако на более зрелых этапах в этих плодородных местах появляется и техника. И не только водополивочная. Скорее всего в Египте (но, может быть, и в Междуречье) изобрели плуг¹⁰³ и возможность использовать для пахоты быков. Этот гигантский шаг все же для них был менее революционным, чем ирригация. Зато исключительно важными эти достижения оказались для тех районов, где земледелие было дождевым. Только с появлением упряженых животных и плуга (да еще с металлическим лемехом) в Европе и других местах мог совершиться второй этап сельхозреволюции. И только с ним туда пришла цивилизация. При этом на втором этапе возросла и роль животноводства.

Таким образом, второй этап этой революции не мог закончиться без технических и энергетических нововведений. Ибо без них невозможно было, во-первых, задействовать достаточные объемы географической среды, во-вторых, сформировать нужное разнообразие вариантов интенсивного сельского хозяйства.

(Продолжение следует)

---

¹⁰² Стоит добавить, что и много позже железо в главном секторе экономики далеко не везде играло решающую роль. Я не говорю уже о таких отраслях, как виноградарство и садоводство, интенсивное овощеводство. Но в легких лесных почвах и там, где целина уже поднята, долгое время можно обходиться сохой с железным наконечником, а то и просто деревянной сохой.

¹⁰³ Исследователи различают легкий плуг (рало), имеющий множество разновидностей, и тяжелый, последний появился гораздо позже.